

АНАСТАСИЯ ДЕС

18+

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

Второй шанс
на **мечь** и **любовь**

Анастасия Дес

**Возвращение в прошлое.
Второй шанс на месть и любовь**

«Издательские решения»

Дес А.

Возвращение в прошлое. Второй шанс на месть и любовь /
А. Дес — «Издательские решения»,

В день собственной казни Аделина Вейр получает невозможный шанс — вернуться в прошлое, туда, где её предательство ещё не доказано, а её сердце ещё не принадлежит врагу. Теперь она помнит, кто обрёк её на смерть, и готова изменить всё: спасти семью, раскрыть заговор и превратить любовь в оружие мести. Но чем ближе победа, тем опаснее мужчина, которому не стоило доверять... и тот, кому она всё чаще хочет верить.

© Дес А.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	44
ГЛАВА 8	49
ГЛАВА 9	54
ГЛАВА 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Возвращение в прошлое. Второй шанс на месть и любовь

Анастасия Дес

© Анастасия Дес, 2026

ISBN 978-5-0070-0075-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Верёвка впилась в кожу ещё до того, как палач затянул петлю до конца.

Аделина Вейр стояла на чёрном помосте посреди Площади Пепла и не чувствовала ног. Только холод дерева под подошвами. Влажный утренний воздух. Металлический вкус страха, который давно должен был притупиться, но почему-то стал острее именно сейчас, когда от него уже не было никакой пользы.

Толпа шумела так, будто пришла на ярмарку.

Кто-то выкрикнул её имя.

Кто-то плюнул.

Кто-то, наоборот, плакал.

Она не смотрела на людей. Она смотрела на него.

Сайрен Дорн стоял у подножия лестницы, рядом с представителем церковного суда, в тёмном плаще без герба, словно хотел показать скромность в день её казни. Это подходило ему почти так же хорошо, как золото на воротнике мундира, печать командующего и белые перчатки, в которых он пять лет назад впервые взял её руку и поцеловал костяшки пальцев так бережно, будто боялся причинить ей боль.

Он всегда умел казаться тем, чем не был.

Город любил его за победы на границе. Двор — за безупречные манеры. Император — за верность. Священники — за щедрые пожертвования. Она — за тщательно выстроенную ложь, в которой прожила пять лет и распознала её слишком поздно: когда он уже затянул петлю у неё на шее.

Обвинения ей зачитали час назад. Отравление императрицы. Сговор с теневой гильдией. Попытка передать архивы дома Вейр врагам короны. Всё доказано. Всё подписано. Всё подтверждено свидетелями, которых она знала слишком хорошо, чтобы не понять, кто именно научил их говорить.

Сайрен поднял взгляд.

Даже отсюда, через гул площади, она узнала это выражение.

Спокойствие. Контроль. Почти нежность.

Он смотрел так, как смотрят на лошадь, которую пришлось пристрелить, потому что она сломала ногу. С сожалением. Без сожаления.

Палач рядом кашлянул в кулак.

— Последнее слово, миледи.

Последнее слово.

Как странно. Когда у тебя отнимают жизнь, все вокруг вдруг начинают ценить ритуалы.

Аделина облизнула сухие губы. Верёвка скользнула по шее.

— У меня только один вопрос, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим.

Сорванным. Низким. — Когда?

Палач нахмурился.

Священник дёрнулся.

Но Сайрен понял.

Конечно, понял.

Он всегда понимал её быстрее остальных.

— Что именно? — мягко спросил он.

Он не повысил голос. И всё равно она услышала его так ясно, будто он стоял рядом. За эти пять лет она выучила каждую интонацию. Когда он был доволен. Когда зол. Когда притворялся.

— Когда ты решил, — произнесла она, глядя только на него, — что меня проще убить, чем держать рядом?

В толпе прошёл ропот. Священник резко шагнул вперёд, но Сайрен едва заметно остановил его пальцами.

Его лицо не изменилось.

Только взгляд стал чуть тяжелее.

— Ты всегда задавала вопросы слишком поздно, Аделина.

И вот тогда стало по-настоящему больно.

Не от верёвки. Не от холода. Даже не от страха смерти.

От того, что он сказал это так буднично.

Будто речь шла о недошитом платье. О просроченном письме. О её дурной привычке касаться виска, когда она устала.

Она вспомнила его руку у себя на талии в их первую зиму после свадьбы.

Вспомнила, как он прижимался губами к её виску, шепча, что без неё этот двор сожрал бы его заживо.

Вспомнила, как через три года он начал проверять её переписку.

Через четыре — не позволять ей выезжать без сопровождения.

Через пять — отдал приказ арестовать её прямо в семейной часовне.

Всё это время он не переставал улыбаться.

Она искала в себе ненависть, которая должна была бы согреть перед смертью.

Нашла другое.

Ясность.

Резкую. Чистую. Как разбитое стекло.

Он не выиграл, потому что был сильнее. Он выиграл, потому что она слишком поздно увидела, что это вообще была война.

— Миледи, — жёстче повторил палач. — Слова.

Аделина подняла подбородок.

Свет ударил по кольцу на её пальце — тонкому ободу из потемневшего серебра с крошечным рубином. Семейная вещь. Мать велела не снимать его никогда. Сказала только, что женщины Вейр носят его не ради красоты.

Тогда Аделина не спросила, почему.

В детстве мать всё-таки сказала ей одну странную вещь — будто невзначай, поправляя кольцо на её пальце после семейной мессы: старые печати слушают не камень и не металл. Они слушают женщину Вейр, которая говорит без страха и не из чужой воли. Тогда это прозвучало как ещё одна родовая причуда. Теперь — как кусок инструкции, который она поняла только в миг собственной смерти.

Поздно. Снова поздно.

Сайрен сделал полшага вперёд, и в его спокойствии впервые появилась трещина.

Он заметил кольцо.

— Снимите это, — резко сказал он.

Палач не успел.

Рубин вспыхнул.

Не засверкал. Не блеснул.

Вспыхнул, будто внутри камня кто-то зажжёт крошечное пламя.

Боль ударила в грудь.

Не в шею. Не в голову.

В самую середину, туда, где сердце уже приготовилось остановиться.

Мир дёрнулся.

Толпа пошла волной.

Гул стал глухим, будто её накрыли водой.

Сайрен рванулся к помосту, и впервые за пять лет его лицо исказил настоящий страх.

Эта картина оказалась последней, что она увидела.

Не собственная смерть.

Не небо.

Не верёвка.

Страх на лице человека, который считал, что всё уже у него в руках.

Потом площадь исчезла.

Её вывернуло наизнанку.

Холод исчез.

Запах дыма исчез.

И вместо Площади Пепла пришёл другой запах — лилии, воск, дорогое вино, духота сотен тел в зале, где слишком много свечей и слишком мало воздуха.

Музыка ударила в уши.

Живой смех резанул сильнее крика.

Аделина пошатнулась.

Никакой верёвки.

Никакого помоста.

Под пальцами — гладкий бок хрустального бокала.

На коже — шёлк, а не грубая рубаха осуждённой.

Перед ней — не площадь, а бальный зал дворца Солмира, залитый золотом.

Весенний приём в честь возвращения западной делегации.

День, когда она впервые встретила Сайрена Дорна.

Пять лет назад.

Она резко вдохнула.

Слишком резко.

Вино выплеснулось на руку.

Женщина рядом недовольно обернулась, но Аделина её почти не видела.

Высокие окна.

Тронная ниша в глубине.

Синие ленты на колоннах.

Струнный квартет у восточной стены.

Всё было на месте.

До невозможности.

До ужаса.

— Миледи Вейр, вам дурно?

Чужой голос.

Знакомый.

Аделина медленно повернула голову.

Лорд Хейден Рут, тот самый придворный, который в прошлой жизни два года спустя давал против неё показания, стоял рядом с вежливой улыбкой и тревогой, ещё не испорченной страхом. Тогда он не знал, чем кончится её жизнь. Тогда никто не знал.

Кроме судьбы.

И, возможно, крови Вейр.

— Нет, — сказала она.

Голос звучал моложе. Чище. Не сорванный, не выжженный допросами.

Собственный голос ударил её почти так же сильно, как музыка.

Она жива.

Ей двадцать один.

Её отец ещё не умер.

Мирель ещё не научилась бояться шагов в коридоре.

Нера ещё не лежит в канаве с разбитым виском.

А она сама ещё не жена Сайрена. Не вдова себя самой. Не тень.

Жива.

Это слово оказалось слишком большим для грудной клетки.

— Мне просто... жарко, — произнесла она.

— Открыть вам окно?

— Не стоит.

Если он откроет окно, она может закричать.

Она опустила взгляд на руку.

Кольцо было на месте.

Тонкий серебряный обод. Рубин. Сейчас тёмный и невинный, будто не он только что вырвал её из петли.

— Миледи?

Хейден всё ещё ждал ответа, но тут в зале прокатилась новая волна движения. Люди раздвигались. Кто-то смеялся. Кто-то приветственно звал чьё-то имя.

Она не хотела поднимать голову.

Потому что знала, кого увидит.

Но всё равно подняла.

Сайрен Дорн вошёл в зал так, будто пространство заранее расчистили под его шаг. Высокий, в тёмно-зелёном парадном мундире, без лишних украшений, только серебро на запястьях и печать дома на перстне. Тот самый шрам над бровью. Тот самый спокойный рот. Те же плечи, на которых позже лежали мантии власти и кровь.

Он был моложе.

Меньше скрывал амбицию.

Меньше умел прятать голод.

И всё равно половина зала уже смотрела на него с интересом.

У второй половины зала он вызывал этот интерес уже одним своим присутствием.

Аделина почувствовала, как внутри поднимается не дрожь даже — судорога.

Её тело помнило его раньше разума. Запах кожи. Тяжесть ладони на талии. Тон, которым он говорил её имя, когда оставался доволен, и тот же тон, когда предупреждал.

Она сжала бокал так крепко, что стекло хрустнуло.

Хейден отступил на шаг.

— Миледи...

Аделина поставила бокал на поднос проходящего лакея, не дожидаясь, пока тот остановится.

Не сейчас.

Не посреди зала.

Не перед ним.

Она выжила не для того, чтобы сломаться в первые же минуты.

Сайрен пока не заметил её. Разговаривал с кем-то из военных. Улыбался. Склонял голову. Играл роль человека, который ещё ничего не взял у мира, хотя уже мысленно пересчитывал чужие владения как свои.

И вдруг, через два ряда придворных, в другом конце зала, она увидела ещё одного мужчину.

Не там, где он должен был стоять.

Не при свете.

Не среди тех, кого любил двор.

Высокий, в чёрном камзоле без знаков дома, слишком просто одетый для знати и слишком уверенный для простолюдина. Тёмные волосы убраны назад. Лицо резкое. Взгляд непо-

движный, тяжёлый, как лезвие, положенное плашмя на стол. Он не участвовал в общем блеске. Он существовал отдельно от него, как тень от свечи существует отдельно от самого пламени.

Каэль Морвейн.

Бастард покойного принца.

Человек, которого в прошлой жизни Сайрен называл опасной крысой, отравившей половину столицы.

Человек, которого через год после её свадьбы объявили мёртвым.

Человек, которого, как она теперь знала, Сайрен боялся так сильно, что не мог перестать о нём говорить.

Каэль смотрел не на императорский помост. Не на музыкантов. Не на придворных дам.

На неё.

Будто почувствовал момент, когда история треснула.

На одно долгое мгновение зал исчез.

Остался только этот взгляд.

Не тёплый. Не сочувственный. Не восхищённый.

Оценивающий.

Опасный.

Живой.

И Аделина поняла с резкой, почти болезненной ясностью: если у неё и есть шанс уничтожить Сайрена Дорна, этот шанс стоит сейчас в чёрном камзоле и смотрит на неё так, будто уже прикидывает, сколько стоит её секрет.

Музыка сменилась.

Толпа качнулась.

Чей-то голос произнёс у неё за спиной:

— Миледи Вейр, позвольте представить вам...

Сайрен повернулся.

Увидел её.

И улыбнулся.

Точно так же, как улыбнулся тогда.

Только теперь она знала цену этой улыбке.

И не собиралась платить снова.

ГЛАВА 2

Пять лет назад она подумала, что у него красивые руки.

Это воспоминание ударило сильнее, чем мог бы ударить нож.

Сайрен приближался через зал, приветствуя тех, кто был полезен, и не замечая тех, кто был только мебелью при власти. Он двигался как человек, который уже знает, где будет стоять через десять лет, и никогда не сомневается, что доживёт до нужного места.

Аделина знала, что он скажет.

«Лорд Сайрен Дорн, к вашим услугам».

Потом посмотрит на её бокал.

Потом заметит, что она почти не пьёт.

Потом спросит, тяготит ли её шум дворцовых приёмов.

Потом с чуть заметной улыбкой скажет, что это редкость — встретить человека, который умеет скучать красиво.

Раньше её это рассмешило.

Теперь едва не стошнило.

— Миледи Вейр, — произнёс сопровождавший его придворный, — позвольте...

— Нет, — сказала она.

Слово упало между ними так резко, что даже музыканты будто на вдох сбились с такта.

Придворный растерялся.

Сайрен остановился.

Вблизи он выглядел моложе, чем ей помнилось. Ещё не таким гладким, не таким отполированным. На лице больше жизни, чем у того человека, который стоял у её помоста. Но глаза уже те же. Серые. Терпеливые. Никогда не пустые.

— Простите? — вежливо спросил он.

— Я сказала «нет», — повторила Аделина, переводя взгляд с придворного на Сайрена.

— Не стоит представлять нас друг другу. Я и так знаю, кто вы.

Повисла пауза.

Она почувствовала, как несколько ближайших людей замолчали. Не полностью. Но достаточно, чтобы уловить тон.

Это было невежливо.

Неправильно.

Интересно.

Именно поэтому Сайрен не ушёл.

Он наклонил голову.

— Боюсь, в таком случае я поставлен в невыгодное положение, миледи. Вы меня знаете.

А я вас, по-видимому, ещё нет.

«Лжёшь», — подумала она.

В прошлой жизни он выбрал её задолго до первой беседы.

Выяснил размер долгов дома Вейр. Возраст отца. Состав приданого. Слухи о древних правах их рода. Даже то, как часто Мирель болеет зимой.

Он всегда приходил подготовленным.

— Аделина Вейр, — сказала она. — Теперь положение исправлено.

Что-то мелькнуло в его глазах.

Не раздражение. Это он контролировал слишком хорошо.

Интерес.

Она не позволила себе ни шагу назад.

— Рад знакомству, миледи Вейр.

— Не уверена, что могу ответить тем же.

Придворный рядом совсем притих. Кто-то из дам обернулся веером в их сторону.

Сайрен медленно улыбнулся.

— Какая жалость. И всё же надеюсь, со временем вы перемените мнение.

Она почти рассмеялась.

Со временем.

Да, со временем она выйдет за него. Потеряет отца. Потеряет дом. Потеряет тело как своё собственное, потому что всё, что он захочет, будет происходить как будто само собой. Со временем она научится распознавать его шаги ещё до того, как он войдёт в комнату. Со временем поймёт, как выглядит любовь, когда ею пользуются как кандалами.

— Сомневаюсь, — произнесла Аделина.

Сайрен посмотрел на неё чуть дольше, чем требовали приличия.

Этого хватило, чтобы она поняла: он уже перестраивает тактику.

Не обаяние. Интерес.

Не мягкость. Настойчивость.

Препятствия он любил сильнее покорности.

— Тогда хотя бы разрешите мне считать это вызовом, — сказал он.

— Вы часто принимаете чужое нежелание за приглашение?

Уголок его рта дрогнул.

— Только когда оно выглядит столь осмысленным.

Он ушёл первым. И этим, конечно, тоже выиграл бы в прошлой жизни — оставил бы за собой лёгкую недосказанность, из которой потом выросло бы её любопытство.

Теперь, когда он отошёл, Аделина позволила себе вдохнуть.

Только один вдох.

Потом ещё один.

Руки дрожали.

Снаружи она стояла неподвижно, с прямой спиной, как учила мать. Внутри всё ещё тянуло узлом от памяти о петле и от его близости, которая по-прежнему действовала на тело как яд, слишком давно введённый в кровь.

— Это было смело.

Она обернулась.

Женщина в лиловом платье смотрела на неё с осторожным восхищением. Леди Марис Тейн. В прошлой жизни одна из тех, кто сначала дружил с ней, а потом отошёл слишком далеко, когда дружба с женой Сайрена стала опасной роскошью.

— Скорее неразумно, — сухо сказала Аделина.

— При дворе иногда это одно и то же.

Марис слегка улыбнулась и поплыла дальше по залу, оставив после себя запах ириса. Аделина запомнила этот короткий обмен. Леди Тейн могла пригодиться. У неё был язык, который знала вся столица.

Но сейчас важнее было другое.

Нера.

В прошлой жизни служанка погибла через три дня, сорвавшись с дворцовой лестницы после того, как случайно увидела встречу одного из доверенных людей Сайрена с церковным казначеем. Тогда Аделина не узнала об этом вовремя. Даже имени девушки не вспомнила, пока не стало поздно.

Теперь вспомнила.

Она быстро оглядела зал.

Служанки двигались вдоль стен с подносами и графинами. Белые передники. Опущенные глаза. Невидимые, пока не понадобятся. Её взгляд зацепился за тонкую тёмноволосую

девушку у западной галереи. Слишком юная. Слишком напряжённая. Прижимает поднос к животу, когда мимо проходят знатные господа.

Нера.

Живая.

Сердце сжалось неожиданно сильно.

Аделина двинулась к ней, не думая, насколько это странно выглядит — дочь старого дома, идущая через ползала ради безымянной прислуги.

Каэль Морвейн следил за ней. Она чувствовала это почти кожей.

Пусть.

Нера заметила приближение слишком поздно и дёрнулась, как птица, увидевшая тень ястреба.

— Миледи?

— Как тебя зовут?

Девушка растерялась.

— Нера, миледи.

Точно.

Слишком обыденное имя для памяти о смерти.

— Кто велел тебе сегодня разносить вино на галерею?

— Старшая распорядительница, миледи.

— Передай ей, что леди Вейр требует тебя к себе в комнаты после приёма.

— Но я...

— Передай так, — повторила Аделина.

Нера моргнула.

Потом быстро кивнула.

Она не понимала, что происходит. И не должна была.

Аделина хотела сказать ещё что-то, но осеклась, потому что в этот момент на западной галерее мелькнул человек в тёмно-синем с серебром. Молодой священник? Нет. Секретарь казначейства. Тот самый, чьё лицо всплыло у неё в памяти слишком поздно. Через три дня именно он столкнёт Неру с лестницы, когда поймёт, что его узнали.

Если только история не изменится раньше.

Аделина сделала вид, будто выбирает бокал с подноса, и краем глаза проследила за мужчиной. Тот задержался у колонны, принял свёрнутую записку от лакея, сунул в рукав и исчез за занавесью служебного прохода.

Вот так начиналась империя Сайрена.

Не в тронном зале.

В таких вот проходах.

В чужих руках.

В людях, которых никто не запоминает.

— Миледи, — тихо позвала Нера, — я чем-то провинилась?

Аделина опустила на неё взгляд.

— Нет. Именно поэтому ты сделаешь всё, как я сказала.

Девушка ещё сильнее побледнела и снова кивнула.

Хорошо.

Одна маленькая жизнь уже сдвинулась с линии, по которой должна была скатиться в смерть.

Этого было мало.

Но достаточно, чтобы впервые за этот час Аделина почувствовала не только ужас, а ещё и злость. Полезную. Холодную.

Она развернулась и почти сразу столкнулась с чьим-то плечом.

Не с Сайреном.

Ткань чёрного камзола. Запах кожи, дыма и ночного дождя, хотя на улице стоял сухой весенний вечер. Аделина подняла глаза.

Каэль Морвейн смотрел сверху вниз без малейшего желания смягчить впечатление.

Вблизи он казался опаснее, чем издали. Лицо слишком резкое, чтобы нравиться всем подряд. Рот красивый, но жёсткий. Взгляд человека, который привык не верить первым словам, первым улыбкам и первым клятвам.

— Прошу простить, — сказал он, не делая ни шага назад.

Тон был ровным. Почти ленивым.

Но стоял он слишком близко.

Она могла бы отступить.

Не отступила.

— Вы не выглядите виноватым.

— Я редко виноват в том, что на меня идут не глядя.

Сказано было сухо. Почти грубо. И всё же в его глазах мелькнула тень интереса.

Он видел её разговор с Сайреном.

Видел, как она остановила служанку.

Он складывал куски.

— Тогда будем считать, что столкновение было общим, — ответила Аделина.

Каэль опустил взгляд на её руку.

На кольцо.

Задержался на мгновение.

Потом снова посмотрел ей в лицо.

— Леди Вейр.

Он произнёс её фамилию так, будто пробовал вес чужого клинка на ладони.

— Лорд Морвейн, — сказала она.

— Меня не представляли.

— Я, как вы могли заметить, не слишком жду представлений.

Это почти вызвало у него улыбку.

Почти.

— Осторожнее, миледи. В столице это могут принять за характер.

— В таком случае столице давно пора привыкать.

На этот раз уголок его рта всё-таки тронулся.

Едва заметно.

Опасная перемена. Такая, какую хочется заметить снова.

— Вам уже говорили, что вы разговариваете так, будто знаете больше, чем должны? — спросил он.

«Только мой будущий палач», — подумала она.

— А вам говорили, что вы задаёте вопросы, не имея права на ответы?

Каэль чуть наклонил голову. Будто получил именно то, на что рассчитывал.

— Часто.

— И всё же продолжаете.

— Иногда люди сами выдают нужное, если их не перебивать.

Тишина между ними продлилась секунду дольше приличного.

Этого хватило, чтобы Аделина поняла: он не просто опасен. Он привык давить молчанием так же умело, как Сайрен — вежливостью.

Разница только в том, что рядом с Сайреном воздух становился тесным.

Рядом с Каэлем — острым.

— Тогда сегодня у вас плохой вечер, — сказала она. — Я не в настроении быть полезной.

— Вижу.

Он не спросил, почему.

Не поинтересовался самочувствием, не предложил сопровождение, не попытался обаять. И именно это, вопреки всякой логике, ослабило тонкую удавку у неё под рёбрами.

Он не играл в заботу.

Он просто наблюдал.

— Но, — продолжил Каэль, скользнув взглядом в сторону, туда, где недавно стоял Сайрен, — я бы на вашем месте внимательнее выбирал тех, кого хочется злить при первом знакомстве.

— А я и не хочу их злить.

— Правда?

— Я хочу, чтобы они ошибались.

Теперь он улыбнулся по-настоящему.

Очень коротко.

Очень опасно.

Будто услышал нечто, что может однажды принести ему прибыль.

— В таком случае, леди Вейр, надеюсь, сегодня вам это удалось.

Он ушёл так же бесшумно, как появился.

Аделина осталась на месте ещё на пару мгновений, чувствуя странное, почти болезненное напряжение вдоль позвоночника.

Он ей не поверил.

И правильно сделал.

Но он её услышал.

Это важнее.

К концу приёма Сайрен больше не подошёл. Только один раз она поймала на себе его взгляд через зал. Спокойный. Задумчивый. Уже просчитывающий. Её отказ не оттолкнул его. Зацепил.

Плохо.

Очень плохо.

И всё же она не изменила бы ни слова.

Когда двор начал редеть, Аделина покинула зал одной из первых. Внешне — с безупречной сдержанностью. Внутри — с чувством, будто только что вошла в дом, где когда-то горела заживо, и теперь ей нужно пройти через каждую комнату ещё раз. Осознанно.

В семейных покоях её уже ждала Нера.

Девушка стояла у дверей, сжав пальцы так крепко, что костяшки побелели.

— Миледи, я пришла, как вы велели.

Аделина прошла мимо неё в гостиную и только там позволила себе выдохнуть. Комната была такой же, как тогда. Серебристая обивка кресел. Камень в камине. Стол у окна. Даже книга, оставленная утром на подлокотнике, лежала под тем же углом.

Пять лет ещё не случилось.

Пять лет могут не случиться.

— Сядь, — сказала она.

Нера испуганно уставилась на кресло, будто это ловушка.

— Я не могу, миледи.

— Тогда стой. И отвечай честно. Сегодня на галерее ты что-то видела?

Девушка замерла.

Вот так.

Попала.

— Нет, миледи, — быстро сказала она. — Ничего.

Ложь.

Плохая. Детская. Паническая.

— Нера.

— Я ничего не видела.

— Если ты продолжишь, тебя убьют.

Девушка побелела так резко, будто кровь ушла из лица разом.

Её губы задрожали.

— Миледи...

— Кто это был?

Нера прижала ладонь ко рту. Слёзы выступили мгновенно, но она ещё держалась.

— Господин из казначейства, миледи. И какой-то слуга. Я не нарочно. Я просто... я несла графин. Они стояли за занавесью. Я услышала, как тот господин сказал, что «Дорн хочет список уже к новолунию». Потом заметили меня. Тот слуга улыбнулся и спросил, давно ли я тут. Я убежала.

Список.

Какой список?

В памяти что-то шевельнулось. Неясное. Связанное с церковными пожертвованиями. С военными поставками. С именами вдов, чьи земли потом неожиданно переходили под управление короны.

Слишком туманно.

Проклятая магия.

— Слушай меня очень внимательно, — сказала Аделина. — С этого момента ты никому не говоришь, что видела тех людей. Никому. Даже если тебя будут пугать, даже если будут обещать деньги, даже если кто-то скажет, что говорит от моего имени.

— Да, миледи.

— Завтра утром ты уйдёшь из дворца.

Нера вскинула голову.

— Но меня не отпустят.

— Отпустят.

— Куда я пойду?

— Пока ко мне в городской дом. Потом решу.

Нера смотрела на неё так, будто не понимала, спасают её или продают.

Справедливо.

В прошлой жизни Аделина тоже не всегда понимала, что происходит, пока её уже не загнали в угол.

— Почему вы это делаете? — шёпотом спросила девушка.

Потому что я помню, как тебя нашли.

Потому что твоя кровь была на камне, и никто даже не потрудился назвать это убийством.

Потому что я слишком много раз стояла и смотрела на последствия, вместо того чтобы вмешаться раньше.

— Потому что мне не нравится, когда за молчание платят смертью, — ответила Аделина.

Нера опустила глаза и заплакала.

Тихо. Беззвучно.

Аделина отвернулась к окну.

Во дворе гасили факелы. Ночь над Солмиром была тёмной, плотной, почти бархатной. Где-то за этими крышами Сайрен, возможно, уже спрашивал о ней. Где-то в другом конце города Каэль, вероятно, тоже складывал сегодняшние разговоры в ту коробку у себя в голове, где хранят полезное, опасное и то, что лучше не упускать из виду.

Она прижала пальцы к подоконнику.

Один день.

Всего один день, и нить уже пошла иначе.

Мало.

Достаточно.

— Нера, — сказала она, не оборачиваясь, — завтра ты проснёшься до рассвета. Возьмёшь только то, что сможешь унести сама. Остальное оставишь.

— Да, миледи.

— И ещё одно.

— Да?

Аделина посмотрела в чёрное стекло окна, где отражалось её собственное лицо. Молодое. Живое. Слишком спокойное для женщины, которая умерла утром.

— С этого вечера перестань считать себя маленьким человеком, которого никто не заметит. Именно таких убивают первыми.

За спиной стало совсем тихо.

Потом Нера выдохнула:

— Да, миледи.

Когда девушка ушла, Аделина долго стояла у окна, не двигаясь.

А потом впервые за весь этот новый старый день позволила себе произнести вслух имя человека, которого собиралась уничтожить.

— Сайрен.

Тихо.

Без дрожи.

Как приговор, который ещё не услышал адресат.

ГЛАВА 3

Она не спала.

Легла. Закрывает глаза. Открывает их через мгновение, уверенная, что слышит скрип двери камеры и шаги стражи по камню. Потом поняла, что это только ветер трогает ставни, а за дверью тихо дежурит ночная служанка. Не тюремщик. Не палач. Просто девочка, которой хочется спать.

К рассвету у Аделины ломило виски.

Солнце только тронуло крыши Солмира, когда она уже сидела за письменным столом и пыталась вспомнить всё, что знала о ближайших неделях.

Не годы. Это было бы слишком много.

Недели.

Этих недель должно хватить. Если она снова позволит себе утонуть в одной только ярости, Сайрен выиграет ещё раз — уже не браком, так временем. Значит, порядок будет простым и жестоким: спасти тех, кто в прошлой жизни умер из-за неё слишком рано; не подпустить Сайрена к дому Вейр и старому допуску; понять, что именно связывает её кровь, архив и этого человека с безупречными руками; найти того, кто способен стать противовесом. Всё остальное — позже. Даже собственная боль.

Первое покушение на Каэля — через три дня.

Оно должно было случиться у старой часовни Святого Иллара, когда он выйдет от человека, которого считал своим осведомителем. Двое арбалетчиков на крыше. Один ножевик внизу для страховки. Официально — уличный разбой. На деле — пробный удар Сайрена по человеку, который мешал ему выйти к некоторым торговым маршрутам без посредников.

Если Каэль умрёт сейчас, всё изменится слишком быстро.

Сайрен лишится противовеса.

Она — союзника.

А значит, Каэль должен выжить.

Но как убедить человека, который не верит никому, принять предупреждение от женщины, с которой он обменялся несколькими фразами на балу?

Нужен крючок.

Не просьба. Не признание.

Факт, который нельзя проигнорировать.

— Миледи?

Нера стояла у дверей уже одетая для дороги, с узлом в руках. Глаза опухли от бессонницы, но подбородок был поднят. Хорошо. Страх — не худшее состояние. Хуже только смирение.

— Еда была? — спросила Аделина.

— Да, миледи.

— Отлично. Через четверть часа с тобой поедет мой кучер. Скажешь в городском доме, что останешься там по моему распоряжению и подчиняешься только госпоже Мерте.

Нера кивнула.

— А если будут спрашивать, почему?

— Скажешь, что помогала мне с платьями после приёма и простудилась. Чем скучнее ложь, тем охотнее в неё верят.

На этот раз девушка даже почти улыбнулась.

Это было странно утешительно.

Когда Неру увели, Аделина позвала камеристку и велела приготовить ей платье для выезда — простое, тёмное, без броской вышивки. Не траур. Но и не то, что носит девушка, намеренная собирать взгляды.

К десяти утра в городской гостинной её уже ждал незванный гость.

Сайрен Дорн.

Конечно.

Она остановилась на пороге.

Солнечный свет падал на его плечо и скулу. Он стоял у камина, рассматривая фарфоровую фигурку на полке, будто пришёл сюда не вторгаться, а любоваться интерьером.

— Миледи Вейр, — сказал он, обернувшись. — Простите ранний визит.

— Раз уж вы уже здесь, было бы поздно просить позволения.

В его глазах промелькнуло то самое выражение, которое она начинала узнавать ещё лучше, чем вчера. Не удивление. Одобрение хищника, нашедшего в добыче зубы.

— Я надеялся, что после вчерашнего у нас появится шанс начать знакомство заново.

— А мне показалось, вы любите вызовы. Зачем же облегчать себе задачу?

Он медленно улыбнулся.

— Значит, вы всё-таки допускаете, что задача существует.

Она не пригласила его сесть.

Он сел сам. Удобно. Будто имел право.

— Вчера вы вели себя так, словно уже составили обо мне мнение, — сказал Сайрен. — Я человек тщеславный, миледи. Мне любопытно, чем заслужил такую честь.

Тем, что приказывал стражникам не трогать моё лицо перед судом, чтобы публика увидела во мне не измученную женщину, а достойную предательницу.

Тем, что целовал меня в лоб в ночь перед тем, как сдать мои письма следствию.

Тем, что смотрел, как я поднимаюсь на эшафот, и не отвёл глаз.

— Возможно, я просто не люблю мужчин, которые слишком уверены в собственном очаровании, — сказала она.

— Тогда мне повезло. Я уверен не в очаровании. Только в умении добиваться своего.

Он сказал это легко.

Почти весело.

И именно поэтому по спине у неё пошёл холод.

Вот так всё и начиналось. Не угрозами. Не грубостью. Прозрачными фразами, которые можно принять за честность и только потом понять, что это было предупреждение.

— Какая редкая откровенность, — произнесла Аделина.

— Я считаю, притворство утомительным.

Ложь. Конечно, ложь.

Она подошла к столу, налила себе воды, сделала глоток и только потом повернулась.

— В таком случае вам будет приятно узнать, что я тоже предпочитаю ясность. Меня не интересуют ни лёгкий флирт, ни шумные поклонники, ни военные герои, ищущие, кому бы продемонстрировать манеры между походами.

На миг в комнате стало тише.

Сайрен не обиделся.

Он оживился.

— Тогда вы очень кстати предупредили меня, миледи. Я терпеть не могу лёгкий флирт.

Вот ведь тварь.

Даже сейчас она почти чувствовала, как этот разговор мог бы затянуть её, если бы она не знала, чем он кончается. Он не давил. Не сыпал комплиментами. Не унижал. Просто давал понять, что видит тебя, принимает твой характер и вовсе не хочет, чтобы ты становилась удобнее.

Пока не поздно.

— Боюсь, вы тратите время, лорд Дорн.

— Время вообще редко тратится зря, если смотреть внимательно.

Стук в дверь прервал их.

Слуга подал записку на серебряном подносе.

Аделина приняла её, развернула. Почерк отца.

Просьба приехать днём в дом кузины Лорен, где собирались несколько родичей по поводу земельного спора. В прошлой жизни она поехала. Там же впервые услышала имя церковного казначея, которому позже Сайрен начал платить через третьих лиц.

Внутри всё щёлкнуло.

Казначей.

Список.

Часовня.

Нити сошлись ближе, чем ей казалось.

Сайрен поднялся.

— Я не смею задерживать вас дольше, миледи. Но позволю себе одну просьбу.

— Смело.

— Когда в следующий раз вам захочется отказать мне ещё до первого танца, постарайтесь сделать это не на глазах у половины двора. Мне бы хотелось считать наше противостояние хоть сколько-нибудь личным.

Она вскинула взгляд.

Очень тихо сказала:

— Вы слишком рано называете это личным, лорд Дорн.

— Напротив, — ответил он. — Мне кажется, вы начали гораздо раньше меня.

Он поклонился и ушёл.

Дверь закрылась.

Аделина осталась стоять с запиской в руке, чувствуя, как сердце бьётся медленно, тяжело, неровно.

Он уже подозревал, что дело не в капризе.

Хорошо.

Пусть думает, что просто привлёк слишком остроумную женщину.

Хуже было бы, если бы он счёл её глупой.

К полудню она приняла решение.

На родственное собрание поедет. Но ненадолго.

Потом — к старой часовне.

Ей нужен Каэль.

Не как идея. Не как тень в дальнем конце зала.

Как союзник.

Дом кузины Лорен пах воском, прелой бумагой и раздражением. Родственники спорили о ренте, о границах лесов, о том, кто кому должен лошадей после последнего наводнения. Аделина слушала вполуха. В нужный момент направила разговор к церковным сборам, пожаловалась на новые требования казначейства и почти сразу получила то, за чем приехала.

— Новый человек у них теперь всё ведёт, — бросил дядя Эмрис, сминая салфетку. — Молодой, резвый. Господин Веральд. Не доверяю я тем, кто слишком быстро учится считать чужие деньги.

Веральд.

Вот он.

— Он связан с домом Дорн? — как будто между прочим спросила Аделина.

— Пока нет, — ответил дядя. — Но этот Дорн суёт нос везде, где пахнет будущей властью.

«Пока нет».

Вот тут она и сжала пальцы под столом.

Значит, связь ещё только формируется. Значит, можно ударить раньше, пока это не стало сетью.

Она уехала из дома кухни почти сразу, сославшись на мигрень.

К часовне Святого Иллара добралась за час до заката.

Место было не слишком людным. Старые стены, узкий двор, выцветшие фрески над входом. Вокруг — пустырь с редкими кустами и недостроенная каменная ограда. Отличное место, если хочешь молиться. Или убивать, не привлекая лишних глаз.

Аделина отпустила экипаж за угол и подошла к часовне пешком.

Пульс стучал в горле.

Она не знала, придёт ли Каэль сам или пришлёт человека.

Не знала, успеет ли раньше Сайрен.

Не знала, насколько можно доверять памяти, вытянутой из смерти.

В тени за часовней кто-то шевельнулся.

— Вы очень настойчивая женщина, леди Вейр.

Каэль вышел бесшумно, как будто весь этот серый вечер просто сложился в его фигуру. Сегодня на нём был тёмный плащ, под которым угадывался узкий кинжал у бедра. Волосы собраны небрежно, будто он не привык тратить время на зеркала. Взгляд — тот же. Внимательный. Жёсткий.

— А вы очень любопытный мужчина, лорд Морвейн.

— Не настолько, чтобы приходить на тайную встречу без причины. У вас она, надеюсь, есть.

Она шагнула ближе.

Не слишком. Ровно настолько, чтобы не приходилось повышать голос.

— Через три дня здесь на вас нападут.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Только взгляд стал тяжелее.

— Сильно сказано для начала беседы.

— Двое на крыше. Арбалеты. Один внизу, с ножом. Вас попытаются провести через западный выход после встречи с вашим осведомителем.

Тишина.

Где-то в траве стрекотал кузнечик. Слишком мирно для разговора о крови.

— Продолжайте, — сказал Каэль.

— Ваш осведомитель не ваш.

— Это вы решили?

— Это знаю.

— Откуда?

Она смотрела ему прямо в глаза.

Вот здесь было тонко. Любая слишком явная ложь — и всё закончится, не начавшись.

— От человека, который ненавидит Сайрена Дорна сильнее, чем боится вас.

— И кто же это?

— Я.

На этот раз он всё-таки замер.

Не от признания. От того, как спокойно она его произнесла.

— Вчера вы казались мне просто недовольной, — сказал Каэль. — Сегодня уже звучите как человек с планом.

— У меня есть план.

— Прекрасно. Обычно люди с планом гораздо хуже людей без него.

— Тогда вам придётся рискнуть.

Он медленно обошёл её по дуге. Не угрожая. Оценивая. Будто хотел посмотреть, одинаково ли она лжёт под разными углами света.

— С какой стати вам помогать мне? — спросил он.

— Потому что вы ему мешаете.

— Многие ему мешают.

— Не так, как вы.

Каэль остановился.

Старый камень часовни впитал вечернее тепло. Откуда-то тянуло пылью и сухой травой. Он стоял достаточно близко, чтобы Аделина различала тень от ресниц на его скуле.

— Предположим, я поверю, — тихо произнёс он. — Что вы хотите взамен?

Она не стала юлить.

— Союз.

— Вот так сразу?

— У меня нет времени на церемонии.

— А у меня нет привычки заключать сделки с аристократками, которые вчера впервые увидели изнанку дворцового бала и решили, что готовы играть в тень.

Злость вспыхнула мгновенно.

Слишком старая. Слишком знакомая.

— Не смейте говорить со мной так, будто знаете, сколько я уже заплатила за право стоять здесь.

Что-то изменилось у него в лице.

Совсем чуть-чуть.

Он слышал не слова. Вес под ними.

— Тогда расскажите, — сказал он.

— Нет.

— Значит, доверия не будет.

— Доверие переоценено.

— А вот тут вы мне нравитесь больше.

Это сорвалось у него почти невольно. И почти сразу исчезло из голоса, но она уже услышала.

Нравитесь.

Не как женщина, которую хотят успокоить.

Как опасный игрок, чей ход оказался неожиданно хорош.

Воздух между ними натянулся.

— Мне не нужно ваше расположение, Морвейн, — сказала она.

— А мне ваше. Но что-то подсказывает, мы оба переживём эту потерю.

Он помолчал.

Потом протянул руку.

Не для рукопожатия.

Ладонью вверх.

— Дайте мне что-нибудь, чего я не смогу получить сам. Тогда, возможно, я соглашусь, что у вас есть право на такие разговоры.

Она знала этот момент из другого рода сделок. Не просьба. Цена входа.

Аделина расстегнула тонкий серебряный браслет на запястье и сняла с него крошечный ключ, почти игрушечный, спрятанный среди звеньев.

Каэль опустил взгляд.

— Что это?

— От шкатулки в западной библиотеке дома Вейр. На верхней полке, за книгой о наследственном праве. Внутри список арендаторов, земли которых были заложены через подставных лиц за последние два года. Среди этих лиц есть одно имя, которое приведёт вас к церковному казначею Веральду.

Теперь он смотрел уже не на ключ.

На неё.

— И вы отдаёте мне это просто так?

— Нет, — сказала Аделина. — Я отдаю это человеку, который через три дня должен остаться в живых.

Каэль взял ключ.

Его пальцы задели её кожу.

Всего на миг.

Случайно. Почти невесомо.

Но этот короткий контакт ударил странно сильно. Не жаром. Не нежностью. Острым током, как перед грозой, когда волоски на руках встают дыбом, хотя небо ещё чистое.

Они оба это заметили.

Никто не отдёрнул руку первым.

Потом Каэль сжал ключ в кулаке и сделал шаг назад.

— Если вы лжёте, — сказал он, — я узнаю.

— Если я лгу, мне не придётся долго сожалеть.

— Это не ответ.

— Это мой способ показать серьёзность намерений.

Он долго смотрел на неё.

Потом кивнул.

Один раз.

— Хорошо, леди Вейр. Я проверю вашу шкатулку. А через три дня изменю маршрут.

— Нет.

Его бровь едва заметно поднялась.

— Нет?

— Не меняйте слишком резко. Иначе человек, который организует нападение, поймёт, что его план утёк. Вам нужно не просто выжить. Вам нужно убедить его, что вы выжили случайно.

Каэль молчал.

Потом, очень медленно, улыбнулся.

И в этой улыбке не было ни мягкости, ни игры.

Только узнавание.

— Вот теперь, — сказал он, — мы начинаем говорить на одном языке.

У Аделины вдруг стало слишком тесно в груди.

Опасно.

Потому что именно такие моменты и цепляют глубже всего. Не комплименты. Не клятвы. Когда кто-то видит в тебе то, что остальные боятся назвать, и не отворачивается.

— Через три дня, — продолжила она, стараясь не показать, что его тон задел её сильнее, чем должен был, — пришлите к северному переулку человека в серой куртке. Я скажу, с какой крыши ударят первой стрелой.

— Вы уже знаете и это?

— Я много чего знаю.

— Становится любопытнее.

— Любопытство вас однажды убьёт.

— Возможно. Но не в ближайший четверг, как я понимаю.

Он спрятал ключ.
Повернулся, собираясь уйти.
— Морвейн, — окликнула она.
Он остановился вполоборота.
— Что?

Аделина посмотрела на выцветшую фреску над входом в часовню. На святого, у которого от времени стёрлось почти всё лицо.

— Не приводите сюда того осведомителя лично, — сказала она. — Пусть сначала поговорит ваш человек. И возьмите с собой второго стрелка в ответ. На колокольне напротив.

Каэль смотрел на неё ещё секунду. Две.
— Похоже, вы действительно очень не любите Сайрена Дорна.
— Этого пока недостаточно.
— Для чего?

Она перевела взгляд на него.
— Для того, что я собираюсь с ним сделать.
Ветер тронул край его плаща.
На мгновение что-то в его лице стало почти тёмным удовольствием.
Он понял.
Не всё. Но достаточно.
— Тогда до четверга, леди Вейр, — сказал Каэль.
— До четверга.

Он ушёл.
На этот раз не бесшумно. Нарочно задел сапогом камень, давая понять, что исчезать в тени он умеет, но сейчас не считает нужным. Странная, почти грубая вежливость.

Аделина осталась одна у часовни, пока сумерки стекали по старым стенам.
Сердце ещё билось быстро.
Не только от риска.
Не только от страха, что она уже сделала первый настоящий шаг против Сайрена.
От другого тоже.

От того, что в этой игре наконец появился кто-то, рядом с кем ей не нужно притворяться хрупкой, чтобы выжить.

Домой она возвращалась уже в полной темноте.
У ворот её ждал слуга с письмом.
Без печати.
Без подписи.
Внутри — всего одна строка.
«Вы правы, миледи. Я действительно люблю вызовы».
Сайрен.
Конечно.

Она порвала письмо пополам, потом ещё раз.
Бумага шуршала в пальцах, как сухая кожа змеи.
Из кареты город казался мирным. Огни в окнах. Запоздалые прохожие. Далёкий смех из таверны. Никто не видел, как под этой спокойной поверхностью уже сдвинулись первые плиты.
Через три дня кто-то должен был умереть.
Теперь — нет.
Теперь умрёт только чья-то уверенность в том, что будущее уже написано.
Аделина откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.
Она ещё чувствовала на коже призрачный след верёвки.

И почти такой же призрачный след чужих пальцев, случайно коснувшихся её руки у часовни.

Один напоминал, за что она вернулась.

Второй — что даже в самой тёмной игре есть вещи, которые не вписываются в расчёт с первого хода.

Она открыла глаза в тот миг, когда карета свернула к её дому.

— Четверг, — тихо сказала Аделина в пустоту.

И улыбнулась впервые с той самой площади.

ГЛАВА 4

Следующие два дня столица делала вид, что живёт обычной жизнью.

Звон колоколов по утрам. Скрип колёс по мокрой мостовой. Лакеи, бегущие с корзинами к рынку. Дамы, выбирающие шёлк, будто единственная беда на свете — неверный оттенок ленты. Дворяне, спорящие о выезде на охоту. Священники, мягко кланяющиеся тем, у кого пожертвования крупнее.

Солмир умел выглядеть невинным.

Именно поэтому в нём так хорошо прятались заговоры.

Аделина просыпалась до рассвета, словно её ещё держали в камере и она боялась пропустить шаги по коридору. Сначала прислушивалась. Только потом вспоминала, что за дверью не стража, а служанка с тёплой водой. Не цепь на запястье, а браслет. Не сырой камень, а простыни, пахнущие лавандой.

Тело вернулось вместе со временем.

Страх тоже.

Но к страху прибавилось другое. Работа.

Наутро после встречи у часовни она получила от госпожи Мерты короткую записку: Нера добралась до городского дома без происшествий, кашляет убедительно, слугам уже сказано, что девушка простужена. Аделина перечитала записку дважды, потом сожгла в камине и впервые поймала себя на том, что удовлетворение может быть тихим. Не громким. Не победным. Просто знанием, что одна смерть уже не случилась.

Этого было мало.

Но для начала достаточно.

Куда больше её тревожило другое.

Память.

Она надеялась, что возвращение даст ей прошлую жизнь целиком, как развёрнутую карту. Но карта рвалась в руках. Одни вещи были ясны до тошноты: выражение лица Сайрена в день казни, планировка его кабинета, запах чернил на письмах, которыми он когда-то заманивал её в ловушки. Другие — ускользали, стоило подойти ближе.

Она помнила, что список, о котором говорил человек из казначейства, был важен.

Но какой именно?

Имена вдов? Земли? Пожертвования? Военные закупки?

Каждый раз, когда она пыталась удержать этот кусок воспоминания, виски сводило тупой болью, будто кто-то изнутри тёр ножом по кости.

К полудню второго дня она сидела в малой библиотеке городского дома и смотрела на разложенные бумаги дома Вейр, почти не видя строк.

— Миледи.

Госпожа Мерта стояла в дверях с лицом, по которому нельзя было понять ничего. Шесть лет в её доме, и Аделина всё ещё не знала, умеет ли эта женщина по-настоящему удивляться.

— Что?

— Вам принесли цветы.

Конечно.

Аделина закрыла глаза на мгновение.

— От кого?

— Без карточки. Но ваза дорогая. А лилии белые. Явно не от человека, который не хочет, чтобы вы догадались.

Сайрен.

Белые лилии он присылал и после свадьбы. Сначала к праздникам. Потом после ссор. Потом после ночей, когда в доме что-то ломалось — не всегда мебель.

Она медленно поднялась.

В гостиной, на столике у окна, стояла высокая чёрная ваза. Лилии были свежими, тяжёлыми, с тем сладким запахом, который почти сразу начинает казаться удушливым. Ни записки. Ни герба. Ему это было не нужно. Он предпочитал, чтобы люди узнавали его почерк и без подписи.

— Выбросить? — спокойно спросила Мерта.

Аделина подошла ближе.

Белые лепестки. Бледные, почти восковые.

В прошлой жизни она однажды сказала, что любит лилии за их чистоту. И Сайрен запомнил.

Не потому, что любил радовать.

Потому что любил владеть тем, что о ней знает.

— Нет, — сказала она. — Поставьте в самый дальний угол.

— Они пахнут слишком сильно.

— Именно.

Мерта чуть склонила голову. Она не задавала лишних вопросов. За это Аделина ценила её больше, чем за образцовое ведение дома.

Когда они остались одни, она сорвала один цветок с вазы и медленно провела пальцем по стеблю.

Сайрен не торопился.

Он никогда не торопился там, где можно было обойтись без грубой силы. Первый день — визит. Второй — цветы. Потом будет случайная встреча. Потом помощь в мелочи, которую никто не просил. Потом ещё одна. Потом чувство, будто между вами возникло что-то личное. Почти неизбежное.

Так ловушки и становятся домом.

Во второй половине дня пришла вторая весть.

Не записка.

Монета.

Её нашла на подоконнике спальни та же Мерта и принесла на ладони, как будто это был редкий жук. Старинный серебряный сол с едва заметной засечкой по краю.

Знак Каэля.

Аделина узнала его только потому, что в прошлой жизни однажды видела такую монету у человека, которого потом нашли в канале с перерезанным горлом.

Проверил.

Поверил достаточно, чтобы ответить.

Не настолько, чтобы открыться.

Справедливо.

Она сжала монету в пальцах и вдруг поняла, что улыбается. Не Сайрену. Не игре. Самому факту, что в этой тьме появился кто-то, кто понял цену шкатулки и не прислал в ответ красивую благодарность, будто они обменялись любезностями за чаем.

К вечеру того же дня двор вызвал её на малый музыкальный вечер в западной галерее. Отказаться было бы заметно. Аделина надела тёмно-синее платье без жемчуга, убрала волосы выше обычного и поехала.

Западная галерея была уже полна.

Здесь не танцевали. Здесь смотрели друг на друга поверх бокалов и решали, кто через неделю станет союзником, а кто — дорогим, но полезным трупом.

Сайрен стоял у рояля.

Разумеется.

Лорд Дорн не играл музыку публично часто, но когда делал это, зал запоминал надолго. Не потому, что он был лучшим музыкантом при дворе. Потому, что всё у него превращалось в демонстрацию контроля.

Когда Аделина вошла, он уже сидел за инструментом и касался клавиш так мягко, словно между пальцами и слоновой костью была старая договорённость. Несколько дам смотрели на него с тем вниманием, которое женщины редко позволяют себе в полном свете. Мужчины делали вид, что слушают музыку.

Он заметил её сразу.

Не сбился ни на ноту.

Только взгляд на миг задержался на ней и вернулся к клавишам.

Проклятая уверенность.

Она не подошла близко. Осталась у колонны с бокалом воды, которым не собиралась пользоваться. Через минуту рядом возникла леди Марис Тейн, от которой пахло теми же ирисами, что и на балу.

— Опять вы, — тихо сказала Марис.

— Мне уйти?

— Ни в коем случае. Мне стало любопытно, как долго лорд Дорн выдержит, делая вид, что не играет для вас.

Аделина не обернулась.

— Вы приписываете мне слишком много значения.

— При дворе женщины обычно ошибаются в обратную сторону.

Марис качнула веером в сторону рояля.

— Он прислал вам лилии?

Аделина повернулась к ней так быстро, что та улыбнулась шире.

— Откуда вы знаете?

— Потому что белые лилии получили сегодня ещё две девушки, которым он вовсе не собирается делать предложение, — сказала Марис. — Но только к вам он приехал лично утром. Об этом говорят уже полдня.

Аделина едва заметно сжала челюсть.

Ход тонкий. Лилии для шума. Визит для правды. Он хотел, чтобы столицу заранее готовили к мысли, что интерес к ней серьёзен. Чтобы все чужие взгляды стали его незримыми союзниками.

— Тогда мне остаётся только пожалеть столицу. Ей, видимо, совсем нечем себя развлечь.

— Не скромничайте, — лениво сказала Марис. — К тому же, если Дорн кого-то выбрал, он редко ошибается в выгоде.

Это прозвучало слишком точно.

Аделина посмотрела на неё внимательнее.

Марис улыбалась, но глаза у неё были умные, трезвые. Возможно, в прошлой жизни Аделина недооценила её ещё сильнее, чем думала.

Музыка оборвалась. По залу прошёл шёпот восхищения. Сайрен поднялся, принял поздравления так, будто не сомневался ни в одном из них, и только потом пошёл к ним.

Нет.

Только к ней.

Марис, заметив это, мягко отступила, как человек, который не желает стоять под копытами, когда лошади уже понеслись.

— Леди Вейр, — сказал Сайрен, остановившись рядом. — Мне начинать тревожиться? Это уже второй вечер, когда вы предпочитаете музыку разговору со мной.

— Возможно, у музыки просто репутация лучше.

Он тихо рассмеялся.

— Значит, мне стоит чаще играть.

— Или реже говорить.

Его взгляд опустился на её руки.

Без перчаток сегодня.

Он всегда замечал руки.

— Вы не носите кольца, кроме фамильного, — вдруг сказал он.

В груди у неё что-то похолодело.

Слишком рано.

Слишком внимательно.

— Это преступление?

— Пока нет. Просто любопытство.

— Вы любопытны ко многим женщинам или только к тем, кто вам не рад?

— К тем, кто мне не рад, — честно ответил он, — обычно даже сильнее.

Она знала, что последует дальше. Не по словам. По ритму. Он должен был слегка наклониться. Смягчить голос. Сделать вид, что признаёт её право на недоверие, а потом превратить это недоверие в мост между ними.

— Миледи, — произнёс он, — я и правда не хочу вас торопить.

Вот.

— Как великодушно.

— Но всё-таки хочу понять, чем вызвал такую стойкую неприязнь.

Он говорил достаточно тихо, чтобы разговор казался почти личным.

Она смотрела на него и видела два лица одновременно.

Это — молодое, красивое, живое.

И то — у эшафота, со спокойным ртом и глазами человека, который уже всё решил.

— Возможно, — сказала Аделина, — дело не в вас.

— А в ком?

— В том, что я всё хуже переношу людей, привыкших видеть мир как вещь, которую им однажды обязательно подарят.

На этот раз он не улыбнулся.

Серые глаза чуть потемнели.

Попадание.

— Вы считаете, я именно такой?

— Я считаю, что вы похожи на мужчину, который плохо переносит слово «нет».

Несколько мгновений он просто смотрел на неё.

Потом очень тихо сказал:

— А если я скажу, что меня в вас привлекает именно это?

Ненависть пришла быстро, как жар.

Господи, как легко он делал даже откровенность похожей на оружие.

— Тогда я решу, что вы принимаете меня за задачу, — сказала она. — А я терпеть не могу становиться чужим развлечением.

Он отступил на полшага.

Не из поражения. Из расчёта.

— Что ж. Тогда буду искать другой язык.

— Постарайтесь. Этот не сработал.

Когда он отошёл, Аделина поняла, что ладонь, в которой она держала бокал, влажная.

Не от желания.

От ярости.

Всю обратную дорогу она думала только об одном: если не остановить его раньше, столица снова начнёт говорить о них как о почти решённой паре. А от чужого ожидания потом иногда труднее избавиться, чем от чужого ножа.

Утром на третий день её разбудила боль.

Не головная.

Другая.

Глубокая, тянущая, будто кто-то сжал сердце в кулак и медленно провернул. Она села на постели слишком резко, воздух застрял в горле, и в этот миг память ударила картинкой.

Крыша.

Тёмный силуэт.

Первая стрела не сверху справа.

Слева.

С колокольни напротив, а не с крыши часовни.

Она согнулась, прижав пальцы к вискам.

Вот так.

Не вспоминалось, пока не стало поздно.

Магия возвращала куски тогда, когда сама считала нужным, будто издевалась.

— Миледи!

Камеристка бросилась к ней, но Аделина уже приходила в себя.

— Воды, — выдохнула она. — И экипаж через четверть часа.

— Но вы бледны как смерть.

Слова резанули.

— Тем более не заставляйте меня ждать.

Когда карета тронулась, город был ещё сонным. Дворники сметали мусор от вчерашнего рынка, сапожники открывали ставни, и только у булочных уже стояли люди. Аделина сидела прямо, сжимая в руке тонкую булавку из причёски так, что острый конец впивался в кожу.

Слева.

Сначала слева.

И если Каэль поставил своего стрелка только напротив западного выхода, он может не успеть.

Она велела кучеру остановиться за квартал до часовни и пошла дальше пешком.

Небо затягивало серой дымкой.

В воздухе пахло мокрым камнем и золой.

Тот же день.

Тот же час.

Только на этот раз она шла туда не предупредить, а проверить, удалось ли изменить судьбу настолько, чтобы у неё больше не было права бояться собственной памяти.

ГЛАВА 5

У часовни Святого Иллара было слишком тихо.

Не пусто.

Именно тихо.

Эта разница спасает людям жизнь чаще, чем молитвы.

Аделина остановилась у лавки старьёвщика на другой стороне улицы и сделала вид, что рассматривает треснувшие подсвечники, выставленные у двери. Отсюда хорошо было видно боковой двор часовни, кусок колокольни напротив и западный переулок, через который, по её памяти, должен был выйти Каэль после встречи.

Ни движения.

Ни спешки.

Ни явной угрозы.

В такие минуты прошлое кажется ложью. А интуиция — болезнью.

Она заставила себя медленно вдохнуть.

Считать.

Окна часовни. Четыре.

Двери. Две.

Колокольня напротив. Верхнее окно приоткрыто.

Слишком узко для ветра.

Внутри кто-то есть.

Аделина медленно пошла дальше, не приближаясь к самому двору. Её экипаж ждал за углом. Под платьем к бедру был пристёгнут маленький нож. Беспольный против арбалета, но успокаивал тем, что холод металла не даёт забыть: сегодня она пришла не смотреть.

Дверь часовни приоткрылась.

Вышел старый священник.

Настоящий. Не тот, кого она ждала.

Он спустился по ступеням, остановился, оправил рукав и побрёл к соседнему дому, не оглядываясь. За ним — никого.

Ещё несколько ударов сердца.

Потом из тени дверного проёма показался человек в серой куртке.

Не Каэль.

Его человек.

Оглядел улицу лениво, почти скучающе, будто просто вышел покурить. Но Аделина видела, как коротко его взгляд цепляет крыши. Проверяет.

Хорошо.

Значит, Каэль услышал её.

Она уже собиралась свернуть в переулок, чтобы подойти ближе, когда в верхнем окне колокольни вдруг мелькнула тень. Слишком резко. Не наблюдатель. Стрелок, потерявший терпение.

Слева.

Аделина рванулась вперёд, не думая, как это выглядит со стороны.

— Вниз! — крикнула она.

Крик вышел сорванным. Слишком громким. Почти страшным.

Человек в серой куртке дёрнулся, обернулся, не успев понять, к кому обращаются.

Стрела ударила в камень у самой двери часовни.

Секундой позже изнутри вылетел Каэль.

Не выбежал.

Вылетел, как удар.

Плащ отброшен назад, в руке уже нож. Он не искал глазами источник. Он сразу шёл в сторону, куда нужно падать, когда стреляют с высоты.

Вторая стрела свистнула сверху.

На этот раз справа.

Из-за крыши часовни.

Вот теперь всё было по памяти.

Почти.

Потому что в прошлой жизни первой стрелы никто не ждал.

Серый человек вскинул руку, и с противоположной стороны улицы грянул ответный выстрел. Стрелок Каэля на соседней крыше. Тень в колокольне метнулась назад.

Поздно.

Третья стрела всё же ушла вниз, слишком быстро, почти наугад.

Она должна была попасть в Каэля.

Попала в лошадь, запряжённую в телегу у поворота. Животное взвилось, телега завалилась набок, прохожие закричали.

Хаос пришёл мгновенно.

Именно в хаосе чаще всего работает запасной нож.

Аделина увидела его раньше, чем Каэль.

Мужчина в тёмном плаще выскользнул из переулка у западной стены, двигаясь слишком низко, слишком быстро, не на бегу даже — на профессиональной близости к земле. Ножевик. Страховка.

В прошлой жизни он ударил, когда Каэль обернулся на шум с крыши.

Теперь Каэль уже сместился, и ножевик менял траекторию на ходу.

В сторону её.

Потому что она заорала первой.

Потому что она испортила рисунок нападения.

Аделина не успела испугаться.

Только увидела блеск узкого лезвия и поняла, как мало расстояния между жизнью и телом на мостовой.

Каэль оказался между ними раньше, чем мысль сложилась в слова.

Он перехватил нападавшего запястьем, резко провернул, и воздух прорезал короткий хруст. Нож упал. Нападавший выдохнул что-то сквозь зубы и ударил другой рукой снизу вверх. Каэль ушёл в сторону, коленом врезал ему в бедро и всадил свой клинок под рёбра так близко, будто между ними не было даже дыхания.

Всё заняло меньше времени, чем нужно, чтобы ахнуть.

Человек осел на колени.

Потом на бок.

Камни у часовни потемнели.

Вторая крыша ответила слишком поздно. Последний стрелок успел скрыться.

Улица кричала.

Лошадь билась в упряжи, ломая оглоблю. Кто-то звал стражу. Кто-то крестился. Кто-то уже бежал прочь, чтобы потом пересказывать увиденное вдвое страшнее.

Каэль выпрямился.

Повернулся к ней.

Лицо было спокойным.

Слишком спокойным для человека, только что убившего другого на расстоянии шага.

В глазах — злость. Не паника. Не благодарность. Злость на сорванную чистоту операции.

Он быстро подошёл.

— Вы что здесь делаете? — спросил он тихо.

Она почти рассмеялась бы, не колоти так сердце.

— Спасая вам жизнь. Опять.

— Потрясающе. В следующий раз спасайте её издалека.

За их спинами серый человек уже тащил тело ножевика к стене, стараясь убрать его из прямого обзора улицы до прихода стражи. Практично. Быстро. Без лишних чувств.

Каэль схватил Аделину за локоть.

Не грубо.

Но так, что стало ясно: спорить сейчас можно, а уйти без него — нет.

— Сюда.

Он втянул её обратно в часовню.

Внутри пахло холодным воском, старым деревом и сыростью. Свет падал полосами через высокие окна, где плясала пыль. Несколько лавок, алтарь, потемневшие иконы. Место для исповедей и последнего прощения. Сегодня — удобное укрытие от чужих глаз.

Серый человек вошёл следом, прикрыл дверь и остался у порога, слушая улицу.

— Закроют проход на две минуты, — сказал он. — Потом стража.

Каэль кивнул, не отводя глаз от Аделины.

— Ещё раз, — произнёс он. — Что вы здесь делаете?

— Исправляю собственную ошибку, — сказала она, стараясь дышать ровно. — Я вспомнила, что первый стрелок будет не на крыше часовни, а на колокольне напротив. Слишком поздно, чтобы передать запиской.

— И решили прийти лично.

— Да.

— Без охраны.

— Да.

— Прекрасно.

Он отпустил её локоть и провёл ладонью по лицу, стирая с щеки чужую кровь, о которой, кажется, ещё не подумал. Потом посмотрел на тонкую красную полоску у неё на руке.

— Вы ранены?

Она опустила взгляд.

Лезвие ножевика всё-таки задело кожу у локтя, прорезав рукав. Не больно. Скорее обидно.

— Царапина.

— Вы умеете делать что-нибудь наполовину?

— Вчера вы, кажется, были этим довольны.

Серый человек у двери тихо фыркнул.

Каэль не улыбнулся.

Но злость в глазах изменилась. Не ушла. Стала другой.

— Имя, — бросил он через плечо человеку у двери.

— Тот, что с ножом? Пока нет. У стрелка на колокольне плечо задето. Его взяли на спуске, если не истечёт по дороге.

— Хорошо. Живым.

— Постараемся.

Серый человек исчез за дверью так же быстро, как появился.

Они остались вдвоём.

Снаружи уже слышались голоса. Кто-то спорил. Кто-то требовал врача для лошади. Стража, вероятно, была на подходе.

Внутри часовни стало слишком тихо.

Каэль стоял в двух шагах. На его рукаве темнели пятна крови. Под ногтями тоже. Волосы выбились из хвоста и падали на лоб. В этой небрежности после драки было что-то почти неприлично живое.

Аделина заметила, что смотрит.

И тут же разозлилась на себя.

Не сейчас.

— Вы дрожите, — сказал он.

— Это нормально после того, как на тебя идут с ножом.

— Нет. Вы дрожите с того момента, как вошли.

Она не ответила.

Потому что он был прав.

Она дрожала не только от сегодняшнего.

От площади. От верёвки. От того, что смерть на секунду опять встала слишком близко и на этот раз пахла не пенькой, а железом и человеческим потом.

Каэль смотрел на неё ещё мгновение. Потом подошёл к боковому столику, взял кувшин с водой, чистую льняную салфетку и вернулся.

— Руку.

— Не обязательно.

— Руку, леди Вейр.

Сказано было так спокойно, что спорить стало глупо.

Она протянула руку.

Он обмотал салфетку вокруг локтя, смочил, стёр кровь с кожи. Движения были быстрыми, точными, без особой нежности. Но и без лишней грубости. Человек, который умеет работать с ранами, потому что часто видит их слишком близко.

— Сядьте, — сказал он.

— Я не упаду.

— Это не предложение.

Она уже открыла рот, чтобы уколоть его в ответ, но в этот момент пальцы его левой руки легли ей на запястье, проверяя пульс. Очень коротко. Очень профессионально.

И всё же кожа отозвалась так, будто запомнила этот жест отдельно от остального тела.

Аделина села на край ближайшей лавки.

Каэль присел перед ней на корточки, продолжая перевязывать локоть полосой ткани, отрезанной ножом от её внутренней нижней юбки так ловко, что она заметила это только по прохладному воздуху у колена.

— Вам не приходило в голову, — сухо сказал он, — что мёртвая союзница приносит меньше пользы, чем живая?

— А вам не приходило в голову, что мёртвый союзник приносит ещё меньше?

Он поднял взгляд.

Слишком близко.

Слишком прямо.

— Вы очень упрямы для человека, который только что едва не получил нож под рёбра.

— Вы очень недовольны для человека, который только что остался в живых.

Уголок его рта дрогнул.

— Вот теперь мне действительно хочется узнать, кто вас воспитывал.

— Женщины, которые не дожили бы до старости, будь они мягче.

Что-то в его лице снова изменилось.

Он завязал узел на повязке, отпустил её руку, но не встал сразу.

— А ваш страх? — тихо спросил он. — Тоже от них?

Нет.

От человека, который однажды научил меня бояться даже доброты, потому что она никогда не приходила бесплатно.

— Это не ваше дело, — сказала Аделина.

— Может стать моим, если вы собираетесь и дальше оказываться на месте моих засад.

— Не льстите себе. Это была не засада. Это была попытка исправить память.

— Вот как.

Он медленно поднялся.

— Значит, ваша память снова изменилась?

Она замерла.

Слишком много.

Он услышал.

Конечно.

— Я ничего такого не сказала.

— Нет. Сказали.

Снаружи ударили прикладом в дверь.

Стража.

Каэль повернул голову на звук, затем снова посмотрел на неё.

— Через боковой выход, — сказал он. — Там мой человек. Он выведет вас к экипажу.

— А вы?

— Поговорю со стражей. Мне полезно выглядеть человеком, на которого напали у часовни. Без свидетелей, кричащих, что леди из старого дома бегает по улицам и вмешивается в чужие разборки.

Он подошёл ближе ещё на шаг.

— И запомните, Аделина Вейр. В следующий раз, когда память решит сделать вам подарок, сначала посылайте записку. Потом геройствуйте.

Он впервые назвал её по имени без титула.

Не мягко.

Не ласково.

Но так, будто имя уже легло ему в ладонь и он проверяет, как оно весит.

— В следующий раз, — сказала она, — постарайтесь не стоять там, где в вас удобно стрелять.

На этот раз он всё-таки улыбнулся.

Коротко.

Холодно.

Почти довольно.

— Невозможная женщина.

— Живой мужчина.

— Пока да.

Он отступил, толкнул боковую дверь, и в узком проходе уже ждал тот самый серый человек.

— Проведи миледи.

— Да, милорд.

Когда Аделина проходила мимо, Каэль вдруг поймал её за запястье.

Снова.

Всего на мгновение.

Она обернулась.

— Что?

— Спасибо, — сказал он так тихо, что это почти потерялось в шуме у главной двери.

Не красивое слово.

Не торжественное.

Слишком простое для мужчины вроде него.

И потому задело сильнее, чем должно было.

Она кивнула.

Потом ушла в узкий каменный коридор, где пахло пылью и старыми свечами, чувствуя на коже его пальцы ещё долго после того, как дверь закрылась.

ГЛАВА 6

К вечеру Солмир уже знал о нападении.

Правда, как всегда, доехала до людей не первой.

По городу гуляли сразу четыре версии. В одной на Каэля Морвейна напали церковные фанатики. В другой — люди западной делегации. В третьей — ревнивый муж дамы, с которой тот якобы имел дело. В четвёртой Каэль сам организовал на себя покушение, чтобы получить сочувствие двора и развязать руки своей банде.

О том, что у часовни видели леди Вейр, пока говорили мало.

Значит, человек Каэля вывел её вовремя.

Хорошо.

Аделина сидела в своей спальне у незажжённого камина и смотрела, как на столике догорает единственная свеча. Локоть пульсировал тупой болью. Платье, испорченное ножом и кровью, Мерта уже унесла, не задав ни одного вопроса, кроме одного:

— Вас теперь будут пытаться убить чаще или это случайность?

Аделина тогда посмотрела на неё и неожиданно рассмеялась.

Мерта не улыбнулась.

— Это серьёзный вопрос, миледи. Мне нужно понимать, стоит ли переселять часть слуг.

— Пока не чаще, — сказала Аделина. — Но предусмотрительность не помешает.

— Хорошо.

И только потом, на пороге, Мерта добавила:

— Слухи о лилиях я бы на вашем месте пресекла быстрее, чем слухи о покушении. У первых обычно длиннее жизнь.

Сейчас, в тишине комнаты, эта фраза казалась почти пророческой.

Потому что лилии снова прислали.

На этот раз не букет.

Один цветок.

Один-единственный белый стебель лежал на подоконнике её гостиной, будто его оставили там между вдохом и выдохом. Ни карточки, ни слуги, ни вазы.

Это уже был не флирт.

Это было напоминание, что Сайрен умеет входить туда, куда его не приглашали.

Он знает, где ты живёшь. Он может дотянуться.

Аделина не стала выбрасывать цветок сразу. Слишком явный жест. Пусть полежит до утра, а потом пропадёт вместе с золой из камина.

Она как раз думала о том, не стоит ли перевести Мирель в городской дом под надуманным предлогом, когда в стене за книжным шкафом трижды тихо стукнули.

Дом Вейр строили ещё в те времена, когда знать боялась не только пожара, но и визитов короны. Старые стены хранили проходы, о которых помнили не все.

Аделина поднялась.

Медленно отодвинула книгу о земельном праве, нажала на выщербленный камень в рамке.

Панель приоткрылась.

В тёмном проёме стоял Каэль.

На секунду ей показалось, что это дурная шутка памяти. Слишком многое в нём принадлежало сегодня не свету, а тени. Чёрный плащ, влажный подол, волосы, растрёпанные ветром, и тот взгляд, который, казалось, лучше чувствует полумрак, чем день.

— Ваши двери отвратительно охраняются, — сказал он.

Аделина опёрлась плечом о край шкафа.

— А ваши манеры?

— Тоже.

— Тогда вы удивительно последовательны.

Он скользнул внутрь комнаты, закрыл за собой панель и лишь потом позволил себе оглядеться.

Не как вор.

Как человек, который машинально отмечает все выходы.

— Мне сказали, вас не видели у часовни после первой минуты, — произнёс он. — Хорошо.

— Мне сказали, вы любите сообщать новости, уже известные собеседнику?

— Только когда эти новости мне стоили двух подкупленных служителей часовни и одного очень дорогого врача для случайно задетого стражника.

— Значит, вы пришли за возмещением?

— Нет. За ответами.

Он подошёл ближе и положил на стол кожаный мешочек.

Внутри глухо звякнул металл.

Аделина не притронулась.

— Что там?

— Пряжка от ремня стрелка. Клеймо мастерской, которую три года назад купил посредник дома Дорн. Я бы и сам вышел на него через неделю. С вашей шкатулкой — вышел за день. С вашим предупреждением — остался жив до вечера.

Он говорил спокойно, но под этим спокойствием лежало что-то жёсткое, натянутое.

Не злость уже.

Решение.

— И?

— И теперь я хочу знать, кто вы такая.

Лампа треснула. За окном ветер тронул ставни.

Аделина медленно подошла к столу и всё-таки развязала мешочек. Металлическая пряжка, бурое пятно у края, клеймо в виде разомкнутого круга. Ей ничего это не говорило. Каэль, как видно, уже проверил.

— Я уже сказала, — ответила она. — Женщина, которая хочет уничтожить Сайрена Дорна.

— Это желание. Не личность.

— Для начала вам хватит и этого.

— Нет.

Его голос стал тише.

От этого опаснее.

— Сегодня из-за вас изменился рисунок нападения. Люди, которые должны были уйти чисто, ушли ранеными и оставили мне след к Дорну. Это очень дорогой подарок, Аделина. Такие подарки не делают без причины.

Она подняла на него взгляд.

— Вы пришли благодарить или подозревать?

— И то и другое.

— Чудесно. Значит, мы уже понимаем друг друга.

Он смотрел долго.

Потом вдруг медленно кивнул.

— Возможно.

В этой короткой уступке было больше уважения, чем в любом красивом слове.

Каэль снял перчатку, провёл пальцами по столешнице, задержался взглядом на книге, которую она не успела убрать. Семейные земельные описи, пометки на полях, вложенные бумажки.

— Вы работаете быстро, — сказал он.

— Время — единственная роскошь, которой у меня теперь нет.

— Снова «теперь».

Она ничего не ответила.

Он подошёл к окну, заметил белую лилию на подоконнике и остановился.

— Дорн?

— Какой вы догадливый.

— Я знаю запах его внимания. Оно обычно гниёт медленно, но заметно.

Её пальцы сжались на спинке стула.

— Похоже, вы его изучали.

— Приходилось. Он талантлив. Это раздражает.

Каэль повернулся к ней, держа цветок двумя пальцами, как улику.

— Он уже ухаживает за вами достаточно открыто, чтобы о вас говорили. Это осложнит всё.

— Знаю.

— Насколько далеко вы готовы пойти, чтобы остаться рядом с ним?

Вопрос прозвучал ровно.

Но между строк было другое.

Не только про интригу.

Про предел.

Про цену.

— Настолько, насколько потребуется, — сказала Аделина.

— Опасный ответ.

— Вы ожидали безопасного?

— Нет. Но хотел убедиться, что услышал правильно.

Он положил лилию обратно на подоконник.

— Значит, так. У меня есть человек в казначействе и человек в городской страже. Через них я раскрою, кто оплачивал сегодняшнее нападение и через какие счета шли переводы. Но если Дорн догадается, что кто-то подтянулся к нему через Веральда, он срежет хвосты за сутки.

— Поэтому я должна отвлечь его, — сказала Аделина.

— Поэтому вы должны сделать так, чтобы он думал, будто вы заняты только им.

Она уже и сама пришла к этой мысли.

И всё же, когда Каэль произнёс её вслух, внутри что-то неприятно сжалось. Снова подойти ближе. Снова позволить Сайрену поверить, что дверь приоткрыта. Снова выдерживать его взгляд, его голос, его спокойную настойчивость.

— Вы считаете, я не справлюсь? — спросила она.

— Я считаю, — ответил Каэль, — что вы справитесь слишком хорошо. И это меня беспокоит сильнее.

Слова повисли между ними.

Она вскинула голову.

— Вы оскорбляете меня или предупреждаете?

— Пока выбираю.

— Тогда выберите быстрее.

Он сделал шаг к ней.

Потом ещё один.

Остановился очень близко. Так, что между ними оставалось меньше ладони воздуха.

Не прикосновение.

Хуже.

Та дистанция, на которой уже оба знают о теле другого, но ещё делают вид, что говорят только о деле.

— Я предупреждаю, — тихо сказал Каэль. — Дорн опасен не потому, что умеет резать горла. С этим справились бы и дети наёмных кварталов. Он опасен потому, что заставляет людей делать шаг ему навстречу, считая этот шаг своим выбором. Я не хочу однажды обнаружить, что вы подошли к нему слишком близко и начали объяснять это стратегией.

Аделина не шелохнулась.

В его голосе не было ревности. Пока нет.

Только жёсткий, почти злой интерес к тому, насколько глубока трещина внутри неё самой.

— Вам не кажется, — сказала она, — что вы говорите так, словно уже имеете право вмешиваться?

— Нет.

— А мне кажется.

— Хорошо. Значит, мы оба видим проблему.

Она должна была отступить.

Вместо этого подняла подбородок.

— Вы ошибаетесь в одном, Морвейн.

— В чём же?

— Я уже подходила к нему слишком близко.

Впервые за всё время у него изменилось лицо по-настоящему.

Не сильно.

Но достаточно.

Потому что он понял: здесь что-то глубже светского каприза, глубже неожиданной вражды, глубже игры дома против дома.

— Объясните, — тихо сказал он.

— Нет.

— Тогда я буду строить догадки.

— Стройте.

— Могу ошибиться.

— Ошибайтесь.

Он смотрел на неё так долго, что тишина начала гудеть.

Потом вдруг поднял руку.

Аделина напряглась, сама этого не желая.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Но вместо того чтобы коснуться её лица или запястья, просто взял с её плеча едва заметную нитку тёмного шёлка и показал на ладони.

— Вы держитесь, как человек, который ждёт удара даже там, где его не будет, — сказал он. — И это не похоже на обычную нелюбовь к назойливому поклоннику.

Слова вошли глубже, чем ей хотелось бы.

— А вы наблюдательнее, чем полезно для долгой жизни.

— Возможно.

Он отпустил нитку.

Отступил на шаг.

Воздух снова стало легче втянуть в лёгкие, и именно это выдало, насколько близко он стоял.

— Хорошо, — сказал Каэль. — Ваши тайны пока останутся вашими. Но мои условия выслушаете.

— Говорите.

— Первое. Больше никаких появлений на месте засад без предупреждения.

— Это уже было.

— Второе. Любая информация о Дорне передаётся сразу, даже если вам кажется, что она мелкая.

— Приемлемо.

— Третье. Если он пригласит вас куда-то за город или предложит что-то, что вы не сможете отказом обратить против него, вы сначала сообщите мне.

— Вы любите приказы.

— Я люблю живых союзников.

Она медленно кивнула.

— А мои условия?

— Слушаю.

— Вы не трогаете Неру и людей моего дома без моего ведома.

— Справедливо.

— Мирель под негласной охраной.

— Уже.

Аделина моргнула.

— Что?

— С сегодняшнего вечера. Две женщины у цветочницы напротив и один мальчишка у булочной на углу. Вас, к слову, тоже.

У неё отняло секунду, чтобы решить, злиться или быть благодарной.

— Вы распоряжаетесь моими улицами без спроса?

— Спрос уже был. У часовни. Вы сказали, что хотите союза.

И это было настолько похоже на правду, что возразить сразу не вышло.

— Вы несносны, — сказала она.

— Согласен.

Он улыбнулся. В этот раз чуть теплее. Совсем чуть-чуть. И от этой скупой перемены в лице он стал опаснее, а не мягче.

Потому что улыбка шла ему слишком хорошо.

— Есть ещё четвёртое условие, — сказал Каэль.

— Как удобно.

— Когда придёт время и Дорн сделает шаг, который позволит сломать его публично, вы не станете торопиться с ножом. Мне нужен не мёртвый герой войны. Мне нужен разоблачённый человек, которого столица увидит насквозь.

— Вы хотите не просто его падения.

— Я хочу, чтобы после него не осталось легенды.

Она медленно опустила взгляд на пряжку в мешочке.

Вот.

Именно поэтому он был ей нужен.

Не только как враг Сайрена. Не только как человек, которого тот боялся. А как мужчина, понимающий главное: убить — мало. Надо отнять право красиво называться тем, кем ты никогда не был.

— С этим я согласна, — сказала она.

— Хорошо.

Он забрал мешочек со стола и спрятал во внутренний карман.

— Тогда мы договорились.

— Вы забыли главную часть любой сделки.

— Какую?

— Залог.

Каэль вскинул бровь.

— Вам мало ключа и сегодняшнего предупреждения?

— Мне нужен не ваш долг, Морвейн. Мне нужно понять, что вы не исчезнете на неделю, как только добудете своё.

Он посмотрел на неё странно. Почти удивлённо.

Потом расстегнул тонкую цепочку на шее и снял маленький металлический знак — плоскую чёрную пластину, на которой серебром был выбит узкий полумесяц.

— Это носят только мои связные, которым дозволено говорить от моего имени, — сказал он. — Если понадобится срочно найти меня, покажете это в трактире «Три свечи» на Нижнем склоне. Вам проведут записку.

Он положил знак ей на ладонь.

Тёплый от его кожи.

Лёгкий.

Слишком доверительный жест для человека, который полчаса назад допрашивал её почти как врага.

— Вы уверены? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему?

Он задержал взгляд на её лице.

— Потому что сегодня вы пришли туда, где могли умереть. Либо вы безумны, либо серьёзны. В обоих случаях мне выгодно знать о вас больше.

Аделина сжала пластину в пальцах.

— Утешает.

— Я старался.

За стеной дома проехала карета. Где-то внизу хлопнула дверь. Мир продолжал жить так, будто в этой комнате только что не сместилась целая ось.

Каэль подошёл к скрытому проходу, уже собираясь уйти, но на пороге обернулся.

— И ещё одно.

— Что?

— Когда Дорн снова пришлёт цветы, не держите их в комнате, где спите.

Она замерла.

— Почему?

— Потому что человек, который любит вторгаться знаками, иногда начинает с запаха, а заканчивает ядом. И потому что я слишком не люблю, когда мои полезные знакомства умирают красиво.

Он ушёл прежде, чем она успела ответить.

Панель встала на место.

Комната снова стала прежней. Книги. Стол. Догорающая свеча. Один белый цветок на подоконнике.

Только теперь под ладонью у неё лежал его знак, а в воздухе ещё держался слабый запах дождя и холодной улицы, принесённый им с собой.

Аделина подошла к окну.

Взяла лилию.

Сломала стебель пополам.

Потом ещё раз.

И бросила в камин.

Пламя схватило белые лепестки не сразу. Сначала они лишь потемнели по краям, съжились, словно не хотели принимать огонь.

Потом всё-таки сдались.

Она смотрела, как цветок чернеет.

Думала о Сайрене.

О Каэле.

О площади Пепла.

О том, как странно меняется чувство опасности, когда рядом вдруг появляется человек, который не просит тебя быть мягче, чтобы тебе было легче доверять.

На столе лежал знак с полумесяцем.

В соседней комнате спала Мирель, ещё ничего не зная о той войне, которая уже идёт к их дому.

А где-то в другом конце города Сайрен, возможно, тоже смотрел в ночь и перестраивал свою следующую линию.

— Попробуй, — тихо сказала Аделина огню.

И уже не поняла, кому именно.

ГЛАВА 7

Утром столица решила, что нападение у часовни следует считать знаком.

Никто не мог объяснить, знаком чего именно. Поэтому каждый вкладывал в него собственный смысл. Церковь видела в этом разложение нравов. Знать — слабость городской стражи. Купцы — риск для маршрутов. Придворные дамы — просто новую тему для разговора между сменой перчаток и подачей десерта.

Двор любил трагедии ровно до той секунды, пока они не требовали личной храбрости.

Аделина узнала это ещё в первой жизни.

Теперь просто перестала удивляться.

Она сидела за завтраком с отцом и Мирель в малой столовой дома Вейр, когда слуга подал утреннюю подборку писем. Отец, лорд Рейнар Вейр, разрезал печати коротким серебряным ножом с тем выражением усталой сосредоточенности, которое, как когда-то казалось Аделине, делало его старше, чем он был. Теперь она смотрела на него иначе. Видела не только человека, проигрывающего борьбу за влияние. Видела мужчину, которому осталось жить меньше трёх лет, если ничего не изменить.

Эта мысль приходила всё чаще. И всё ещё резала.

Мирель сидела напротив, в светло-сером утреннем платье, слишком юная, чтобы уже уметь скрывать любопытство. Ей было семнадцать. В прошлой жизни в этом возрасте она ещё верила, что взрослые, когда шепчутся о будущем дома, говорят о чём-то управляемом.

Потом Сайрен быстро отучил её от этой веры.

— Ты совсем ничего не ешь, — заметил отец, отрывая взгляд от письма.

— У меня мигрень.

— Уже третий день подряд, — тихо сказала Мирель. — Это из-за двора?

Аделина подняла на неё взгляд.

Мирель не была душой. В семье её считали мягкой, потому что она редко спорила вслух. Но тихие люди часто видят больше тех, кто привык говорить первым.

— Двор редко улучшает самочувствие, — ответила Аделина.

Отец хмыкнул.

— Это звучит так, будто ты наконец начала смотреть на него правильно.

В прошлой жизни она бы улыбнулась. Или попыталась сгладить. Сейчас просто спросила:

— Что там в письмах?

Отец отложил один лист.

— Ничего нового. Один кузен опять пишет о долгах. Городской управляющий жалуется на арендаторов. И лорд Дорн выражает тревогу по поводу вчерашнего происшествия у часовни.

Вилка в пальцах Аделины не дрогнула.

Это уже было хорошо.

— Как трогательно, — сказала она.

Мирель подняла глаза от чашки.

— Лорд Дорн пишет тебе?

— Нет. Моему отцу.

— Сочувствует, — сухо пояснил Рейнар. — Поскольку, по слухам, моя дочь оказалась неподалёку от места нападения.

Пауза.

Тонкая. Неприятная.

— Это были не просто слухи, — сказал он. — Ты действительно была там?

Мирель сразу напряглась.

Аделина положила вилку.

Вот он. Первый домашний допрос. Не обвиняющий. Хуже. Тот, где тебя ещё считают своей и потому ждут правды.

— Я ехала после визита к кухне Лорен, — сказала она. — Велела остановить карету, увидев суматоху. Всё произошло слишком быстро.

Полуправда. Самый удобный вид лжи.

Отец смотрел на неё несколько мгновений. Он не был человеком, который часто ловил чужую фальшь, но дочерей знал лучше большинства.

— И как ты оказалась настолько близко, что тебя заметили?

— Возможно, потому что стояла ближе других.

— Аделина.

В его голосе появилась тяжесть.

Не гнев. Усталое предупреждение.

— В столице и без того слишком любят говорить. Я не хочу, чтобы твоё имя связывали с Морвейном.

Мирель осторожно спросила:

— Почему? Он и правда настолько опасен?

Отец откинулся на спинку стула.

— Любой человек опасен, если у него нет законного места в мире, но есть достаточно ума, чтобы обойтись без закона.

Аделина посмотрела в окно.

Интересно, сказал бы отец то же самое о Сайрене, знай он, как тот однажды обойдёт весь мир именно законом.

— Значит, лучше иметь законное место? — спросила она.

— Лучше иметь положение, за которое не придётся платить кровью каждую неделю.

Она чуть не усмехнулась.

Иногда старые мужчины говорят о порядке так, будто кровь — издержка беспорядка. А не его основа.

— А лорд Дорн, как я понимаю, положение имеет, — сказала она.

Отец не ответил сразу.

— Он имеет будущее, — наконец произнёс Рейнар. — И это при дворе часто одно и то же. Мирель неловко перевела взгляд с него на Аделину.

— Ты ему нравишься? — спросила она.

В столовой стало слишком тихо.

В прошлой жизни Аделина бы смутилась.

Теперь только почувствовала, как в горле поднимается холод.

— Возможно, — сказала она.

— А тебе?

— Нет.

Ответ прозвучал так быстро, что даже отец посмотрел на неё внимательнее.

Мирель моргнула.

— Но он красивый.

— Мирель.

— Что? Я не сказала, что это довод. Только что многие так думают.

Отец тихо выдохнул, как человек, у которого внезапно разболелся старый шрам.

— Многие думают то, что им удобно. Красота редко мешает карьере, если за ней есть характер.

— А если за ней есть расчёт? — спросила Аделина.

Рейнар снова взял письмо от Сайрена.

— Тогда всё зависит от того, чей расчёт окажется длиннее.

Это замечание задержалось в воздухе дольше, чем должно было.

Аделина отвернулась к окну, пряча лицо. Потому что на секунду ей показалось, что отец смотрит прямо в ту яму, которой ещё не было видно никому, кроме неё.

Когда завтрак закончился, Мирель задержалась у двери.

— Ада.

Только она звала её так. Когда были детьми. Когда хотела что-то важное, но не знала, как подобрать слова.

— Что?

— Ты правда в порядке?

Лгать сестре оказалось труднее.

— Нет, — сказала Аделина.

Мирель подошла ближе.

— Это из-за вчерашнего?

Из-за вчерашнего. Из-за пяти лет. Из-за верёвки. Из-за того, что иногда в свете утренних окон она всё ещё чувствует на шее петлю, а ночью просыпается от мысли, что дверь открывается и сейчас войдёт Сайрен с тем спокойным лицом, за которым уже принято решение.

— Отчасти.

Мирель помолчала.

Потом очень тихо спросила:

— Он тебя пугает?

Аделина не сразу поняла, о ком речь.

— Кто?

— Дорн.

Вот оно.

Младшая сестра, которую все считают слишком юной, увидела главное быстрее их отца.

— Почему ты спрашиваешь?

Мирель отвела взгляд.

— Потому что вчера на музыкальном вечере он смотрел на тебя так, будто вы уже о чём-то договорились, а ты об этом жалеешь. Мне это не понравилось.

На секунду Аделине стало нечем дышать.

Не от страха.

От странной, болезненной нежности.

Мирель заметила за один вечер то, на что самой Аделине когда-то понадобились годы.

— Ты слишком наблюдательна для человека, который якобы только вышивает и читает романы, — сказала она.

Мирель сморщила нос.

— Я не якобы. Я правда вышиваю и читаю романы. Это не мешает мне видеть неприятных мужчин.

Аделина, к своему удивлению, почти улыбнулась.

— Он меня не пугает, — ответила она после паузы. — Но я не собираюсь подпускать его близко.

Это тоже было ложью. Не потому что она собиралась подпускать. А потому что он уже однажды был слишком близко.

Мирель кивнула, будто приняла ответ.

Но на пороге всё-таки обернулась.

— Тогда будь осторожна не только с ним, — сказала она. — С тем другим тоже.

— Каким другим?

— Тем, о ком теперь тоже шепчутся. С Морвейном.

И ушла, не дав Аделине возможности спросить больше.

Остаток утра она провела в кабинете, разбирая семейные счета и письма арендаторов. Отчасти для вида. Отчасти потому, что это было нужно. Дом Вейр действительно висел на краю. Несколько неудачных урожаев, старые обязательства, затяжные долги родственников, привычка отца латать одно другим, надеясь, что следующий сезон будет легче. В прошлой жизни она почти не касалась хозяйства до самой свадьбы. Сайрен тогда очень мягко внушил ей, что подобные вещи утомляют её напрасно и он с радостью избавит её от неприятной прозы.

Она позволила.

Теперь каждое сухое число было как кость, которую нужно собрать заново, чтобы понять, где именно сломали род.

К полудню слуга сообщил, что в приёмной ждёт леди Марис Тейн.

Аделина разрешила провести её в зимнюю гостиную.

Марис вошла так, словно не пришла без предупреждения, а была здесь частью обстановки с самого утра. На ней было бледно-зелёное платье, перчатки цвета слоновой кости и выражение лица женщины, которая уже знает больше, чем скажет.

— Надеюсь, я не слишком вторгаюсь, — произнесла она.

— Вы хотя бы не пользуетесь тайными проходами.

Марис моргнула, потом коротко рассмеялась.

— Любопытная фраза. Мне уже тревожно, что я пришла поздно.

Они сели.

Подали чай.

Марис коснулась чашки, но не отпила.

— Я пришла не из вежливости, — сказала она. — И не из праздного любопытства. Хотя второе во мне развито отлично.

— Тогда зачем?

— Предупредить.

Аделина не показала интереса слишком явно.

— О чём?

— О том, что после вчерашнего о вас говорят больше, чем вам понравилось бы. И не только из-за Морвейна.

— Меня тронула забота.

— Не спешите. Мне выгодно, чтобы вы остались при дворе в здравом уме.

— Звучит почти как симпатия.

— Не обольщайтесь.

Марис откинулась на спинку кресла.

— Лорд Дорн вчера после вашего ухода разговаривал с епископом Верденом. Долго. И с тем лицом, с каким мужчины обычно либо просят руки женщины, либо закапывают трупы, — сказала она. — Я пока не решила, какой вариант хуже.

Имя епископа резануло память.

Верден. Не главный при дворе. Но человек, через которого в прошлой жизни шли несколько «чистых» церковных поручений Сайрена. Тогда она не видела связи. Сейчас увидела.

— И вы решили, что мне это полезно знать?

— Я решила, что если вы всё-таки собираетесь играть с Дорном, лучше хотя бы понимать, на каком столе лежите.

Аделина поставила чашку.

— С чего вы взяли, что я собираюсь играть?

— Потому что женщины не отвечают мужчинам так, как вы отвечаете Дорну, если не хотят либо избавиться от них сразу, либо заставить подойти ещё ближе. А вы его не оттолкнули окончательно. Значит, вам что-то нужно.

Хороша.

Чертовски хороша.

В прошлой жизни Аделина приняла бы Марис за обычную любительницу слухов. Теперь начинала понимать, что слухи для неё — не развлечение, а инструмент.

— И зачем вам помогать мне? — спросила Аделина.

Марис впервые отпила чай.

— Потому что я не люблю, когда такие мужчины, как Дорн, слишком быстро выигрывают. После этого жизнь при дворе становится невероятно скучной и очень опасной.

Это было честнее, чем любая дружеская ложь.

— Что вы хотите взамен?

— Пока ничего. Кроме одного.

— Какого?

— Когда придёт время и вы всё-таки решите, что можете мне доверять, не врите плохо. Это оскорбительно.

Марис поднялась прежде, чем разговор успел стать глубже.

У двери она остановилась.

— И ещё, — сказала она. — Сегодня вечером у вдовствующей графини Эннер будет камерный приём. Там будут Дорн, епископ Верден и половина тех, кто старается казаться непричастным. Вам лучше появиться.

— Почему?

Марис улыбнулась без тепла.

— Потому что, дорогая моя, если хищники собираются в одной комнате и среди них есть мужчина, решивший вас присвоить, лучше видеть его глаза лично.

Когда за ней закрылась дверь, Аделина ещё долго сидела неподвижно.

Потом достала из ящика знак с полумесяцем, который оставил Каэль.

Вечер у графини Эннер.

Епископ.

Сайрен.

Слишком плотный узел, чтобы идти туда вслепую.

Она позвонила в колокольчик.

Когда вошла Мерта, Аделина положила знак на стол.

— Мне нужен человек в трактире «Три свечи», — сказала она. — И платье, в котором удобно врать.

Мерта посмотрела сперва на знак, потом на неё.

— Тёмно-синее или чёрное?

— Чёрное.

— Значит, всё совсем плохо.

— Ещё нет.

— Хорошо. Тогда нужно, чтобы выглядело именно так.

ГЛАВА 8

Камерный приём у вдовствующей графини Эннер всегда называли камерным те, кого не приглашали.

На деле это был один из тех вечеров, где музыка звучит негромко, свечей меньше, чем на балу, а разговоры опаснее. Здесь не нужно кричать, чтобы кого-то уничтожить. Достаточно вовремя замолчать.

Дом графини стоял на возвышении над каналом, и в сумерках его окна отражались в чёрной воде так, будто весь особняк медленно тонул в собственном свете.

Аделина приехала одной из последних.

И почти сразу почувствовала его.

Не Каэля.

Сайрена.

Это было похоже на странный, непрошенный навык, который возвращается телу раньше мысли. Она ещё не увидела его, а уже знала, где он стоит в комнате, насколько близко, в каком настроении. Пять лет брака оставляют после себя не воспоминания даже. Настройку нервов.

Она поднялась по лестнице, отдала накидку и вошла в главный салон.

Тёплый свет ламп. Сдержанное золото рам. Тёмное вино в тонком стекле. Несколько пожилых дам у камина. Двое военных у окна. Епископ Верден — да, здесь. Марис тоже. И Сайрен у длинного стола с шахматной доской, словно даже на чужом вечере ему полагался предмет, около которого удобнее всего размышлять о власти.

Он повернулся почти сразу.

Взгляд скользнул по её чёрному платью, по открытой шее, по лицу. Не задержался слишком явно. Но этого короткого, точного движения хватило, чтобы внутри всё неприятно сжалось.

Он уже привык думать о ней.

Плохо.

Очень плохо.

— Леди Вейр, — произнесла графиня Эннер, приближаясь. — Как любезно, что вы всё-таки пожаловали. Я уже опасалась, что нападение у часовни отучит молодых дам выходить в свет.

— Если столица может продолжать сплетничать, я, вероятно, тоже могу продолжать приезжать.

Графиня засмеялась чуть громче, чем требовали приличия.

— Отличный ответ. Оставайтесь рядом с огнём, дорогая. Здесь мужчины кусаются только словами.

«Неправда», — подумала Аделина.

Но вслух сказала:

— Благодарю.

Сначала всё шло слишком спокойно.

Слишком гладко.

Она поговорила с графиней, выслушала нудного генерала, который больше любил свои эполетты, чем службу, обменялась парой фраз с Марис и даже позволила епископу Вердену поцеловать себе руку так, будто не замечает, как скользко блестят у него глаза.

Верден был невысок, тучноват и пах ладаном с чем-то сладким, почти приторным. В первой жизни ей казалось, что подобные мужчины безопасны по определению. Теперь она знала лучше.

— Мне очень жаль, что вы стали свидетельницей столь неприятной сцены, миледи, — сказал он, не выпуская её пальцев на долю мгновения дольше положенного. — Город всё чаще забывает страх Божий.

— Или просто видит, что некоторые люди ничего не боятся, — ответила она.

Епископ улыбнулся.

— Смелая мысль для юной леди.

— Осторожная мысль для епископа.

Он всё-таки отпустил её руку.

Хорошо.

Пусть считает острой. Неудобной. Даже высокомерной. Всё лучше, чем мягкой.

Сайрен подошёл к ней, когда она стояла у книжного шкафа, делая вид, что рассматривает корешки.

— Похоже, вы собираете вокруг себя самых интересных собеседников этого вечера, — сказал он.

— Значит, я сегодня удачливее хозяйки дома.

— Ревную.

— Не трудитесь. Вам не идёт искренность.

Он встал рядом, тоже глядя на книги.

Не на неё.

Это всегда было его любимым приёмом. Создавать иллюзию случайного соседства, внутри которой внимание ощущается острее, чем прямой взгляд.

— Вы не ответили ни на одно моё письмо, — произнёс он.

Письмо было одно.

Без подписи.

Но в эту минуту ему выгодно было назвать его письмом, а не запиской. Превратить вторжение в официальный жест.

— А вы задавали вопросы?

— Нет.

— Тогда и отвечать было не на что.

Уголок его рта дрогнул.

— Я начинаю понимать, что в привычных способах ухаживания с вами действительно мало пользы.

— Какое горе.

— Для кого?

Она повернула голову.

Он стоял слишком близко. Не прижимаясь, не нависая. Но так, что её плечо почти чувствовало тепло его рукава.

Тело мгновенно вспомнило другое.

Ту дистанцию, на которой он когда-то говорил ей на ухо тихо, почти лениво, а потом именно с этого начинались вещи, о которых она не просила.

Аделина заставила себя остаться неподвижной.

Не отступать.

— Для вас, полагаю, — сказала она. — Люди обычно любят методы, которые работают.

— Я люблю трудные задачи, — мягко ответил Сайрен.

— Я уже слышала.

— Но, возможно, не до конца поверили.

Она почти видела, как он думает. Как выбирает, насколько сильнее сейчас нажать. Как рассчитывает, что после нападения у часовни она должна быть чуть уязвимее, чем раньше. Чуть более склонной принимать спокойствие за защиту.

Он был прав.

Только выбрал не ту женщину.

— Лорд Дорн, — сказала она, — позвольте прояснить. Вы мне не интересны настолько, чтобы это превратилось в забавную войну остроумия. И не дороги настолько, чтобы я щадила ваше тщеславие. Считайте, что я сделала вам одолжение заранее.

В серых глазах вспыхнуло что-то тёмное.

Не ярость.

Наслаждение от сопротивления.

— А если я скажу, что именно сейчас вы стали мне ещё интереснее?

— Тогда я пойму, что вы путаете интерес с собственнической привычкой.

Он всё-таки посмотрел прямо на неё.

Долго.

Тяжело.

И очень спокойно.

— Возможно, — сказал он. — Но привычки тоже бывают серьёзными, Аделина.

От её имени в его голосе по коже пошёл холод.

Он никогда не спрашивал позволения перейти на имя в первой жизни. Просто однажды начал, и тогда ей это показалось знаком близости. Сейчас — знаком захвата.

— Вы торопитесь, — произнесла она.

— А вы почему-то всё время говорите так, будто мы продолжаем разговор, начатый давно.

Больно точное замечание.

Слишком.

Её пальцы сами собой сомкнулись на корешке книги.

— Вам кажется.

— Мне редко кажется то, что можно проверить.

В этот момент к ним подошла графиня Эннер с двумя гостями, и разговор рассыпался. Спасение. Временное.

Сайрен поклонился хозяйке, отступил на полшага и мгновенно стал тем самым безупречным мужчиной, которого так любил двор.

Аделина почти не слышала, о чём говорили следующие несколько минут. В голове билось только одно: он уже чувствует, что её неприязнь слишком стара для обычного знакомства. Нужно было быть осторожнее. Или, наоборот, холоднее. Не давать ему столько формы, в которой он сможет искать смысл.

Возможности уехать сразу не было.

Поэтому она сделала единственное разумное: пошла туда, где могла хотя бы перевести дыхание.

На галерею второго этажа.

Там было темнее, тише, и от открытого окна тянуло водой с канала. Внизу глухо шумели колёса поздних экипажей. Соседние крыши тонули в сумраке.

— Он вас загонит в угол, если вы и дальше будете злить его так открыто.

Голос раздался из тени у окна.

Каэль.

Разумеется.

Он стоял, опираясь плечом о каменную нишу, в тёмном сюртуке без единой детали, которая позволила бы с первого взгляда отличить его от просто богатого, просто опасного человека. Он не должен был быть приглашён сюда официально. Аделина не стала спрашивать, каким именно путём он вошёл.

— Вы часто подслушиваете? — спросила она.

— Только тех, кто говорит достаточно интересно.

— Значит, сегодня вам повезло.

Он оттолкнулся от стены и подошёл чуть ближе.

— Не уверен. Дорн уже смотрит на вас так, будто выбирает, в какую комнату поставить.

— Какая изящная метафора.

— Зато точная.

Она отвернулась к окну.

Снаружи было легче дышать.

— Я получила весть, — тихо сказала она. — От Марис Тейн. Верден и Дорн уже давно говорят не только о благотворительности и войне.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что два дня назад Веральд, ваш новый любимец из казначейства, передал через церковный счёт крупную сумму в приют святой Эстры. А приют святой Эстры существует в основном на бумаге.

Аделина посмотрела на него.

— Вы уже проверили?

— Часть. Недостаточно, чтобы бить. Достаточно, чтобы копать.

— Значит, нужно достать книги приюта.

— Уже думаю над этим.

Он говорил тихо, почти лениво. Но в этой ленивости чувствовалось напряжение хищника перед прыжком.

— И? — спросила она. — Пришли поразить меня своей предусмотрительностью?

— Нет. Предупредить, что завтра в полночь у приюта святой Эстры сменится ночной смотритель. На час. Мне нужен кто-то, кто знает почерк Вердена и сможет быстро отличить настоящую книгу пожертвований от подставной.

— Вы хотите взять меня на дело?

— Я хочу взять ваши глаза. Остальное, надеюсь, вы не сочтёте оскорблением и тоже принесёте с собой.

Она почти усмехнулась.

— И как вы себе это представляете? Я выйду ночью из дома, будто собираюсь на прогулку под луной?

— Нет. Вы выйдете раньше, навестить графиню Беллард. У неё мигрени по средам, и она обожает сочувствие молодых дам. Из её дома вас заберёт мой человек.

Он всё продумал.

Плохо то, что это вызывало не только тревогу, но и странное, упрямое удовольствие. Работать рядом с мужчиной, который не только строит планы, но и предполагает, что ты выдержишь их темп.

— А если я откажусь?

— Тогда мне придётся взять с собой человека с худшим почерком и меньшим умом. Это обидно.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Вы сделали это комплиментом?

— Боюсь, да.

— Не привыкайте.

— Поздно.

Слово повисло между ними опасно мягко.

Аделина первой отвела взгляд.

— Хорошо, — сказала она. — Я пойду.

— Я так и думал.

— Не льстите себе.

— Это не мне. Это вашему любопытству.

Прежде чем она успела ответить, из салона донёсся смех, и на галерею вышли двое гостей. Каэль мгновенно отступил в тень, будто его здесь и не было. Только тихо бросил, проходя мимо неё:

— Не позволяйте Дорну провожать вас домой.

И исчез в боковом коридоре.

Когда Аделина спустилась обратно, Сайрен уже ждал у лестницы.

Разумеется.

— Я собирался предложить вам экипаж, — сказал он. — Уже поздно.

— Как заботливо. Но мой экипаж существует без вашей помощи.

— Я не сомневался. Вопрос только в том, существует ли ваше желание принимать помощь вообще.

Она надела перчатки медленно, не глядя на него.

— Только если помощь не выглядит как повод войти в мою жизнь без стука.

Сайрен чуть наклонился.

— А если я уже стучу?

Ей понадобилось всё хладнокровие, чтобы не отшатнуться.

Он ведь не мог знать о лилии на подоконнике. Или мог? Нет. Просто тонко давил на ту же точку, что и всегда: приближение под видом выбора.

— Тогда я советую вам выбрать дверь покрепче, — сказала она.

На лице Сайрена мелькнуло что-то почти тёплое. И от этого тепла захотелось вымыть руки.

— Доброй ночи, Аделина.

— Вам тоже, лорд Дорн.

Он отступил.

Но пока она шла к выходу, взгляд его ощущался между лопаток так же отчётливо, как когда-то в длинных коридорах их дома.

Уже в карете Аделина поняла, что сжимает в кулаке клочок бумаги.

Она развернула пальцы.

Тонкая записка. Чужая. Незаметно вложенная в перчатку.

Всего два слова.

«Будьте вовремя».

Каэль.

И почему-то именно эта краткость остудила её лучше, чем весь ветер с канала.

ГЛАВА 9

На следующий день до полуночи оставалось слишком много часов.

Ожидание всегда делает время густым. Его приходится буквально проталкивать сквозь себя, чтобы оно двигалось.

Аделина провела утро с госпожой Мертой, разбирая платья и шляпки так тщательно, будто от выбора перчаток зависела не ночная вылазка, а судьба королевства. Потом поехала к графине Беллард, выслушала полтора часа жалоб на шум, сквозняки, бессонницу, молодых мужчин, старых мужчин и лекарей, которые «ничего не понимают в женских нервах». Всё это было даже полезно. Чем длиннее и скучнее её официальный визит, тем надёжнее алиби.

К вечеру небо затянули тучи.

Хорошо.

Дождь делает людей ленивее, стражу — менее внимательной, а улицы — честнее. На мокром камне лучше видно, кто за кем шёл.

Графиня Беллард уснула прямо в кресле около десяти. Аделина оставила камеристке слово, что не станет её будить, взяла накидку и вышла через боковую дверь, куда к этому часу уже должен был подать экипаж «дальний родственник».

Вместо экипажа у ворот стояла простая чёрная карета без герба.

У двери — мужчина в плаще, которого она уже видела у часовни. Серый человек. Сегодня на нём были чёрные перчатки и выражение лица человека, которому мир крайне редко бывает интересен, если в нём не нужно кого-то спрятать или убить.

— Миледи, — сказал он без поклона.

— Как мне вас называть?

— Не стоит.

— Это особенно располагает к доверию.

— Мне платят не за расположение.

Он помог ей сесть в карету.

Внутри уже ждал Каэль.

Не в маске. Не в чужом лице. Просто Каэль Морвейн в тёмной одежде, без украшений, с мокрыми от дождя волосами у виска. Он сидел напротив, вытянув длинные ноги так, будто карета принадлежала ему с рождения и скучала без него.

— Вы вовремя, — сказал он.

— Вы просили без «пожалуйста».

— И это подействовало.

Карета тронулась.

За окнами поплыли фонари, мокрые стены, блеск луж на мостовой. Внутри пахло кожей, дождём и слабым холодным металлом — так пахнет хорошо смазанное оружие.

— Куда именно мы едем? — спросила Аделина.

— Не прямо в приют. Сначала в дом напротив. Там пустует второй этаж, хозяин должен мне три года и одну дочь, удачно вышедшую замуж. Подождём смены зрителя, потом перейдём.

— Звучит уютно.

— Я старался.

Он протянул ей узкую тёмную ленту.

— Волосы.

— Зачем?

— Чтобы не блестели в свете.

Она взяла ленту и подняла руки, собирая волосы выше.

Каэль наблюдал молча. Не нагло. Но слишком внимательно для человека, который просто ждёт окончания приготовления. От этого молчания по коже шло лёгкое раздражение.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Тогда перестаньте так смотреть.

— Как именно?

— Будто пытаетесь решить, насколько я буду вам мешать.

Его рот дрогнул.

— Уже решил. Меньше, чем большинство.

— Чудесно. Значит, я победила толпу идиотов.

— Это не слишком сложное состязание.

Карета свернула в узкий проезд и остановилась во дворе старого доходного дома. Их провели чёрным ходом наверх. Ступени скрипели. Из квартир тянуло похлёбкой, сырой шерстью и человеческой усталостью. На втором этаже их ждал маленький пустой зал с двумя окнами, выходящими как раз на приют святой Эстры.

Приют выглядел респектабельно.

Слишком.

Чистый фасад, свежая побелка, новые ставни. Место, куда жертвуют деньги, чтобы совесть спала крепче. Такие заведения всегда стараются выглядеть безупречно. Особенно когда внутри хранят не детей и старух, а книги с грязными цифрами.

У окна уже сидела женщина в мужском сюртуке, тонкая, сухая, с тёмной косой, убранный на затылке.

— Лис, — сказал Каэль. — Это леди Вейр. Леди Вейр, это Лис. Умеет читать так, как другим не снилось.

Женщина коротко кивнула.

— Миледи.

— Лис.

Та посмотрела на её платье, обувь, руки.

— Она полезна? — спросила Лис у Каэля так, будто Аделины в комнате не было.

— Да.

— Хорошо.

И вновь уткнулась в окно.

Почти трогательно.

Каэль подошёл к столу, где лежали два свёртка, тонкий фонарь с заслонкой, перчатки и связка инструментов.

— План простой, — сказал он. — Через четверть часа ночной смотритель уйдёт по нужде. На пять, максимум семь минут. Лис останется здесь и будет смотреть на улицу. Мы войдём через боковую дверь, спустимся в кабинет заведующего, возьмём книги за последние полгода. Если повезёт — найдём две: официальную и настоящую. Если не повезёт — берём всё, что покажется подозрительным, и уходим.

— Слишком просто, — сказала Аделина.

— Вот именно. Поэтому почти наверняка кто-то испортит картину.

— Вдохновляет.

Он протянул ей тёмные перчатки.

— Наденьте.

Она натянула их, проверяя посадку.

— И ещё одно, — сказал Каэль. — Если что-то пойдёт не так, вы не геройствуете.

— Какая досада. А у меня как раз был план броситься на стражу с бухгалтерской книгой.

— Я серьёзен.

— И я.

Лис тихо хмыкнула у окна, не оборачиваясь.

— Вы оба утомительны, — бросила она.

Дождь усилился.

Вода тонкими струями стекала по стеклу, размывая огни на улице. Приют напротив стал похож на нарисованный неуверенной рукой.

Они ждали в тишине.

Иногда тишина рядом с человеком говорит больше разговора. Каэль стоял у стены, скрестив руки, и смотрел в окно. Не на Аделину. На улицу. Но она всё равно ощущала его присутствие как натянутую струну в комнате. Слишком собранный. Слишком живой. Рядом с ним воздух не успокаивал. Он будил.

— Вы доверяете ей? — тихо спросила она, кивнув на Лис.

— Больше, чем большинству мужчин, знающих моё имя.

— Обнадёживает.

— А вы? — спросил он. — Доверяете своим дамам при дворе?

— Нет.

— Даже Тейн?

Она бросила быстрый взгляд.

— Вы уже и о ней знаете?

— Я знаю всех, кто сегодня не спит в интересах Дорна.

— И в моих?

— Таких пока меньше.

Это прозвучало почти двусмысленно.

Почти.

— Но они есть? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Возможно.

Лис подняла ладонь, не отрываясь от окна.

— Смотритель пошёл. Один. Фонарь взял. У вас шесть минут, если ему не приспичит быстрее.

Каэль сразу двинулся к двери.

Аделина за ним.

Они вышли в мокрый двор, пересекли узкий переулок и нырнули под навес бокового входа приюта. Каэль работал с замком быстро, почти нежно. Щелчок был таким тихим, что его заглушил дождь.

Внутри пахло мылом, влажным деревом и старой пылью.

Никаких детских голосов.

Никаких шагов.

Слишком пустой приют. Ещё одна деталь в копилку.

Они прошли по узкому коридору. Справа — кухня. Слева — комната с лавками. Дальше дверь в кабинет. Заперта.

Каэль обернулся к ней.

— Свет.

Она прикрыла фонарь ладонью, давая узкую полосу жёлтого. Достаточно, чтобы видеть его пальцы на замке. Не больше.

Щелчок.

Дверь открылась.

Кабинет был маленьким и аккуратным. Стол. Шкаф. Распятие на стене. Полки с книгами. И запах чернил — слишком сильный для места, где якобы ведут скромный приют.

— Шкаф, — шепнула Аделина.

Она сама не знала почему. Просто почувствовала.

Каэль дёрнул дверцу. Заперто. Отмычка. Ещё щелчок.

Внутри лежали пять книг.

Слишком много для бедного заведения.

Аделина быстро вытянула первую. Официальные расходы. Хлеб, свечи, ткань, лекарства. Всё ровно. Слишком ровно. Она открыла вторую.

Вот.

Записи другим почерком, цифры без заголовков, инициалы вместо фамилий. Рядом пометки церковной рукой. И знак Вердена у края страницы — крошечный завиток, каким он отмечал важные места в посланиях, когда считал, что это украшение, а не подпись.

— Эта, — выдохнула она. — И третья. Сравнение.

Каэль уже вытаскивал остальные. Быстрый взгляд. Взвесить, взять, не потерять секунды.

— Ещё вот эту, — сказала она. — Видите? Бумага другая. Позже вложена.

— Берём три.

Снаружи скрипнула дверь.

Они замерли.

Шаги.

Слишком быстро.

Смотритель вернулся раньше.

Каэль одним движением сгреб книги, толкнул её к стене между шкафом и тяжёлой занавесью.

— Ни звука, — шепнул он.

Дверь кабинета открылась.

Свет фонаря качнулся по полу.

Кто-то вошёл.

Не смотритель.

Судя по походке, мужчина крупнее. Тяжелее. Двигался уверенно, как человек, знающий помещение.

Аделина стояла, прижатая к холодной стене, так близко к Каэлю, что его плечо упиралось в её плечо, а складка плаща касалась колена. Он прикрыл фонарь ладонью и погасил совсем. В темноте осталось только движение света от чужого фонаря через щель между занавесью и шкафом.

Мужчина у стола выругался сквозь зубы.

Шелест бумаги.

Значит, ищет.

Тоже за книгами?

Плохо.

Очень плохо.

Чужой фонарь остановился.

— Кто здесь? — негромко спросил голос.

Аделина узнала его мгновенно.

Веральд.

Казначейский клерк с галереи.

Сердце ударило так резко, что она испугалась, не услышит ли он.

Каэль чуть повернул голову. Его губы почти коснулись её виска, когда он беззвучно произнёс одно слово:

«Ждать».

Веральд сделал ещё шаг.

Свет скользнул ближе к занавеси.

Ещё один — и он увидит их обувь.

Аделина не успела подумать. Только действовала.

Она медленно вытянула руку вниз, нащупала у стены тяжёлую бронзовую подставку под свечу и, уловив момент, бросила её в другой конец комнаты.

Грохот был резкий, оглушительный.

Веральд дёрнулся, фонарь качнулся, и в ту же секунду Каэль выскользнул из тени, как удар.

В темноте всё случилось быстро. Слишком быстро для глаз. Глухой вскрик. Удар о стол. Короткая борьба. Потом тишина, в которой слышно только дыхание.

Когда Каэль снова зажжёт заслонённый фонарь, Веральд уже лежал на полу лицом вниз, со стянутыми за спиной руками и кляпом из собственной шейной ленты во рту. Живой. В ярости. И совершенно беспомощный.

— Красиво, — тихо сказал Каэль, взглянув на опрокинутую подставку.

— Стараюсь.

— В следующий раз предупреждайте.

— В следующий раз двигайтесь медленнее.

Уголок его рта дёрнулся.

— Не могу. Привычка.

Он поднял Веральда за ворот, посадил к стене и посмотрел в лицо, как человек смотрит на будущий источник информации, а не на мужчину.

— Знаете его? — спросил он.

— Видела. На галерее во дворце. Тогда он передавал записку.

— Значит, память у вас всё-таки работает.

— Иногда.

Каэль задумался на секунду.

Потом отдал ей две книги, а сам взял Веральда за подбородок.

— Сейчас мы уйдём, — спокойно сказал он казначею. — Потом вы посидите здесь и подумаете, как объясните ночной визит. А если решите рассказать Дорну, что видели нас, сперва вспомните, сколько именно денег прошло через ваши руки. И кому эти книги попадут, если мне станет скучно.

Веральд что-то яростно промычал в кляп.

— Да, — сказал Каэль. — Я тоже не люблю церковных счетоводов.

Он поднял его, перетащил за ширму у стены и привязал к ножке тяжёлого шкафа с той деловой лёгкостью, от которой у Аделины по спине прошёл холодок. Не от страха. От понимания, насколько часто он проделывал нечто подобное.

— Идём, — сказал Каэль.

Они вышли тем же путём, под шум дождя, с книгами под плащами.

На улице было уже почти пусто. Лис ждала в тёмном проходе напротив.

— У вас три минуты до второго обхода, — сообщила она. — Что это?

— Бессонница Вердена, — ответил Каэль, забирая у Аделины книги и передавая часть Лис.

Та бросила быстрый взгляд на корешки.

— Хорошо. Я ухожу первой.

И исчезла раньше, чем дождь успел стереть силуэт.

До кареты они добрались молча.

Только внутри, когда колёса снова зашуршали по мокрой мостовой, Аделина наконец позволила себе выдохнуть.

— Значит, теперь у нас есть что-то настоящее, — сказала она.

— Возможно, — ответил Каэль. — Или достаточно, чтобы сделать вид.

— Вы всегда так радуетесь успеху?

— Только когда он не окончательный.

Он положил книги рядом, потом вдруг потянулся и взял её руку. Не за ладонь. За запястье.

— Что?

— Вы поранились.

На перчатке темнела тонкая полоса. Она даже не заметила, когда оцарапала кожу — вероятно, о край подставки или стола.

— Пустяки.

— У вас удивительная способность произносить это слово в самый неподходящий момент.

Он стянул с неё перчатку осторожно, осмотрел царапину. Действительно мелочь. Но под его пальцами кожа отозвалась так, словно рана была глубже.

— Вы слишком спокойно держались в темноте, — сказал он, не поднимая глаз. — Для женщины, которую якобы только недавно вывели в свет.

— А вы слишком много замечаете.

— Работа такая.

— И что вы заметили?

Он всё-таки посмотрел на неё.

Фонарь кареты качнулся, и свет на мгновение лёг на его лицо так, что глаза показались совсем тёмными.

— Что вы не испугались Веральда, — тихо сказал он. — Вы испугались, что вас найдут именно в этой комнате. Как человек, которого уже однажды ловили не там, где нужно.

У Аделины пересохло во рту.

— Вам обязательно делать из каждого разговора допрос?

— Нет. Иногда я делаю из них предложение.

— И какое же?

Каэль не отпустил её запястье.

— Когда вы решите, что можете рассказать правду не до конца, а хотя бы в той части, где она перестанет мешать нам обоим, приходите ко мне первой. Не к Тейн. Не к священникам. Не к себе в голову. Ко мне.

Сердце ударило один раз.

Тяжело.

Неловко.

Почти зло.

Потому что это прозвучало не как просьба. И не как приказ. Хуже. Как место, которое он обозначил между ними и которое теперь существовало, даже если она сделает вид, что не заметила.

— Вы слишком уверены, что я вообще когда-нибудь приду, — сказала она.

— Нет, — тихо ответил он. — Я просто надеюсь, что вы не настолько любите тонуть в одиночку.

Карета свернула к её улице.

Каэль отпустил её руку.

Слишком вовремя.

Она почти пожалела об этом и тут же возненавидела себя за самую мысль.

Когда экипаж остановился, он подал ей перчатку, а вместе с ней маленький, сложенный вчетверо лист.

— Что это?

— Перепишите завтра своей рукой. Любое письмо. Хоть список покупок. Мне нужно сравнить ваш почерк с одной заметкой в книге.

— И вы не могли сказать раньше?

— Мог. Но тогда вы бы успели придумать лишние вопросы.

Это было настолько похоже на правду, что спорить стало бессмысленно.

Аделина вышла из кареты под мелкий дождь.

У двери дома обернулась.

Каэль сидел в темноте, почти неразличимый за влажным стеклом.

Только когда карета тронулась, в окне на секунду блеснула его ладонь — короткий знак, не прощание даже, а подтверждение, что ночь состоялась и теперь уже не отмотается назад.

Аделина вошла в дом, сжимая в кармане сложенный лист.

На столике в прихожей её ждало новое письмо.

На этот раз с печатью.

От Сайрена.

Она сломала сургуч прямо на месте.

«Надеюсь, вчерашний вечер убедил вас, что я умею быть терпеливым.

Завтра в полдень я прошу у вас получаса разговора в саду храма Святой Эстры.

Отказать вы, разумеется, можете.

Но, думаю, не захотите.

С.Д.»

Святая Эстра.

Тот самый приют.

Тот самый счёт.

Тот самый узел.

Аделина медленно сложила письмо.

Вот теперь игра переставала быть вступлением.

Вот теперь кто-то из них наконец сделал ход, после которого доска уже не останется прежней.

ГЛАВА 10

Письмо Сайрена пахло сухими травами и дорогим воском.

Он всегда выбирал бумагу, которую хотелось запомнить пальцами. Даже когда писал всего несколько строк. Даже когда на этих строках не было ничего, кроме вежливости, угрозы и уверенности, что ты всё равно придёшь.

Аделина перечитала записку ещё раз, хотя не было ни одной причины. Смысл не менялся. Менялось только ощущение под кожей.

Святая Эстра.

Из всех садов столицы он выбрал именно тот, что примыкал к храму и приюту, чьи книги они с Каэлем украли ночью.

Слишком прямой ход для случайности.

Слишком тонкий для признания.

Он или зовёт её на собственное поле, зная, что там ему спокойнее, или проверяет, дрогнет ли она от одного названия.

Возможно, и то и другое.

Утром она переписала для Каэля короткий список покупок своей рукой, как он просил. Бумагу сложила вчетверо, запечатала простым воском и передала через мальчишку, который относил в «Три свечи» заказ на специи от кухни. Мальчишка не знал, что несёт. Кухарка — тоже. Мерта только один раз посмотрела на свёрток и сказала:

— Если это любовная записка, миледи, то у вас чудовищный почерк для нежностей.

— Это не любовная записка.

— Тогда слава богу. Для угроз он подходит гораздо лучше.

К полудню небо расчистилось. Солнце вышло бледное, холодное, будто ему не особенно хотелось заниматься этим днём. Хорошо. Свет, который не пытается быть ласковым, Аделине нравился больше.

Храм Святой Эстры стоял на восточной стороне города, в квартале, где богатство всегда старалось выглядеть благочестиво. Белый камень. Чистые ступени. Подрезанные кусты. Широкий двор, куда бедняки приходили за милостыней, а знатные дамы — за добрым мнением о себе.

Сад располагался за главным зданием, за низкой аркой, увитой ещё не распустившимися розами. Там было тихо. Слишком тихо для места в столице. Тихо так, будто любой звук заранее проходит через чужое одобрение.

Сайрен ждал у солнечных часов.

Разумеется.

На нём был тёмный сюртук без герба, перчатки цвета мокрого пепла и то выражение лица, с которым он в прошлой жизни приходил говорить о чём-то «важном». Вежливость, за которой уже стоит решение.

Он поклонился.

— Благодарю, что пришли.

— Вы в письме заранее объяснили, что отказать я могу, — сказала Аделина. — Это почти принуждает прийти хотя бы из любопытства.

— Любопытство вам идёт.

— А вам — самоуверенность. Значит, мы оба сегодня в выигрышном положении.

Он жестом предложил идти рядом.

Она не хотела касаться этой прогулки даже тенью согласия, но остаться у арки было бы детским упрямством. Поэтому пошла.

Сад оказался ещё аккуратнее, чем снаружи. Каменные дорожки, низкие деревья в ровных квадратах земли, статуя святой у пруда и несколько скамеек, на которых сидели две пожилые прихожанки с такими прямыми спинами, будто благочестие тоже должно держать осанку.

— Вы выбрали тихое место, — сказала Аделина.

— Я выбрал место, где нам не помешают шумом.

— Но помогут чужими ушами.

— Уши есть везде.

— Тогда зачем вообще стараться?

Он посмотрел на неё с чуть заметной улыбкой.

— Чтобы отличать случайных слушателей от полезных.

Они прошли мимо клумбы с поздними белыми цветами. Цветы были слишком похожи на лилии, чтобы ей это понравилось.

— Вы хотели говорить о чём-то конкретном? — спросила она. — Или мне просто следует быть польщённой тем, что вы выкраиваете время между войной, двором и чужими жизнями?

— Сегодня — о вас.

— Какая роскошь.

— Не совсем. Скорее о том, что происходит вокруг вас.

Он остановился. Так, что ей пришлось тоже остановиться, если не хотелось продолжать путь одной.

— После часовни о вас говорят больше, чем прежде, — сказал Сайрен. — И мне это не нравится.

— Вы слишком щедро делитесь своими чувствами, лорд Дорн. Я не просила.

— А я не спрашивал, хотите ли вы слушать.

Это прозвучало мягко.

Почти лениво.

И потому было особенно неприятно.

— Что именно вам не нравится? — спросила Аделина. — Слухи? Моё имя? Или то, что в этих слухах упоминают не вас одного?

На мгновение ветер качнул ветку над их головами. Тень листьев скользнула по его лицу, и глаза стали темнее.

— Мне не нравится, когда рядом с вами начинают мелькать люди вроде Морвейна.

Она почти рассмеялась.

— Вряд ли вы вправе выбирать, кто мелькает в поле моего зрения.

— Пока нет.

Вот.

Именно так.

Спокойно.

Без нажима.

Без крика.

Как будто слово «пока» — просто часть фразы, а не тонкая игла, введённая под кожу.

— Тогда, возможно, вам стоит учиться терпению, — сказала она.

— Я умею быть терпеливым. Но предпочитаю не тратить это качество на вещи, которых можно избежать.

— И вы считаете мной вещь, которой можно избежать?

— Наоборот. Я считаю, что вас лучше держать подальше от тех, кто уже выбрал сторону.

Она посмотрела прямо на него.

— А вы, конечно, ещё не выбрали.

— Я выбираю только то, в чём намерен победить.

Её пальцы в перчатках сжались.

И всё же она заставила себя ответить ровно:

— Тогда, надеюсь, вы не слишком привязаны к результату.

Сайрен долго не сводил с неё глаз.

Потом медленно сделал вдох.

— Вам кто-то солгал обо мне, Аделина?

Вопрос был задан почти тихо.

Не как ловушка. Хуже. Как будто он действительно допускает, что причина её холодности внешняя, принесённая кем-то ещё. В прошлой жизни такое участие обезоруживало.

Теперь только злило.

— Нет.

— Тогда почему вы смотрите на меня так, будто уже знаете, чем всё кончится?

Мир на одну секунду сузился до его лица.

До этого вопроса.

До боли в затылке, которая пришла так резко, будто память отреагировала раньше разума.

Она вспомнила помост.

Вспомнила белые перчатки.

Вспомнила тот же голос, только ниже, глуше, произносящий: «Ты всегда задавала вопросы слишком поздно».

Аделина отвела взгляд к пруду.

— Вы приписываете себе слишком много значения.

— Я редко ошибаюсь в том, как на меня смотрят женщины.

— Тогда вам давно пора расширить опыт.

За их спинами на дорожке послышались шаги. Епископ Верден шёл к центральной аллее вместе с настоятельницей приюта. Увидев Сайрена, он на миг замедлился, потом сделал вид, что не заметил их и продолжил путь, только пальцы на чётках двигались чуть быстрее.

Аделина увидела.

Сайрен тоже.

— Знаете, что мне в вас особенно нравится? — спросил он, когда епископ скрылся за деревьями.

— Смелая уверенность, что мне должно быть интересно.

— Вы замечаете то, что другие пропускают.

От этого хотелось или уйти, или ударить его веером по лицу. Вместо этого она сказала:

— Значит, вы не напрасно привели меня в место, где церковные люди слишком старательно делают вид, что вас не знают.

Он чуть склонил голову.

Признание без признания.

— Осторожнее, — произнёс Сайрен. — Я начинаю думать, что вы ищете в моих словах больше, чем я даю.

— А я начинаю думать, что вы говорите больше, чем планируете.

По лицу его скользнула та самая тень удовольствия, которую она уже успела возненавидеть.

Он любил, когда сопротивление оказывалось умным.

— Возможно, нам стоит признать очевидное, — сказал он. — Вы мне интересны. И я не собираюсь делать вид, будто это мимолётно.

— Какая беда.

— Для вас?

— Для вашего самолюбия. Я ведь по-прежнему не обещаю вам ничего взамен.

Он подошёл ближе.

Не касаясь.

Никогда сначала не касаясь.

— Мне не нужны обещания сегодня, — сказал Сайрен. — Мне нужно время.

— Время на что?

— На то, чтобы вы поняли, что я не из тех мужчин, которых имеет смысл отталкивать по привычке.

Гнев пришёл мгновенно.

Такой быстрый, что она даже не сразу поняла, откуда именно он поднялся — из настоящего или из той жизни, где он однажды убедил её, будто осторожность и правда была лишь дурной привычкой, мешающей счастью.

— Вы ошибаетесь в одном, — сказала Аделина. — Мои решения — не привычки.

— Хорошо. Тогда пусть будут решения. Я всё равно намерен их изменить.

Прекрасно.

Вот и прозвучало.

Не скрытая вежливость. Не светская игра. Прямое желание переделать волю другого человека под собственную.

В стороне у арки мелькнуло движение. Маленькая фигура в куртке, слишком большой для худого плеча. Мальчишка. Лет двенадцати. Лицо в серой пыли, будто он недавно лазил по трубам или работал у печей. Он нёс корзину с сухими булками, но двигался так, словно искал не кухню, а возможность подслушать.

Заметив взгляд Аделины, мальчишка дёрнулся.

И в ту же секунду из боковой двери приюта вышел человек в тёмной одежде, схватил его за ворот и что-то резко зашептал в лицо. Мальчишка побледнел и прижал корзину к животу, как щит.

Аделина успела увидеть главное.

Человек у двери был не священником. Не слугой храма. Один из тех, кого она видела на музыкальном вечере за спиной Вердена. Не из военных. Из церковных счетоводов. Тех, что носят записи как ножи — под одеждой, ближе к телу.

— Вас отвлёк ребёнок? — спросил Сайрен.

— Скорее взрослый, который слишком грубо с ним говорит.

Он даже не повернул головы.

— Приюты редко бывают местом нежностей.

— Станный выбор формулировки для человека, который хотел произвести впечатление именно этим садом.

Теперь он всё-таки посмотрел туда, куда смотрела она.

Мальчишка уже исчез. Человек в тёмном стоял у двери, опустив голову, будто просто ждал распоряжений.

— Я не выбирал сад ради впечатления, — сказал Сайрен. — Я выбрал его ради разговора.

— И что же вы хотели услышать в итоге? Что я перестану смотреть на Морвейна? Что стану принимать ваши цветы с благодарностью? Что вы можете распоряжаться тем, с кем мне говорить?

— Я хотел, — произнёс он тихо, — чтобы вы поняли одну простую вещь. Пока вы рядом со мной, вам не понадобится опасное общество.

Слово «пока» он не сказал.

Но оно было в каждом звуке.

Аделина заставила себя улыбнуться.

Очень слабо.

Очень холодно.

— Удивительно, — сказала она. — Вы даже не заметили, что всё, что вы предлагаете, звучит как клетка с хорошим замком.

Сайрен выдержал паузу.

Потом ответил:

— Только для тех, кто боится безопасности.

Безопасности.

У неё на секунду потемнело в глазах.

Потому что именно этим словом он потом называл её запертые двери, её охрану, её просматриваемые письма, её поездки только с сопровождением, её жизнь, в которой каждый удобный шаг был шагом внутрь клетки.

— В таком случае, — тихо произнесла Аделина, — мне, вероятно, стоит порадоваться, что я люблю свежий воздух.

Она развернулась, давая понять, что разговор окончен.

Сайрен не остановил. Только сказал вслед:

— Завтра я нанесу визит вашему отцу.

Она замерла.

Не обернулась сразу.

Сделала это только через секунду. Этого хватило, чтобы гнев снова стал холодным, полезным.

— По какому поводу?

— Официальному. Вы ведь любите ясность.

— Я люблю, когда меня предупреждают до того, как пытаются сделать частью чужого решения.

— Считайте, что я только что предупредил.

Он поклонился.

Так же безупречно, как всегда.

Так же спокойно.

И от этой спокойной уверенности её затопило старое, почти телесное желание вырвать из его рук саму способность решать за других.

Когда она вышла за арку в главный двор, дыхание уже сбилось, хотя шла быстро, а не бежала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.